

Э. ДУБРОВСКИЙ

ЗАДАНИЕ

Э. ДУБРОВСКИЙ

ЗАДАНИЕ

Повесть

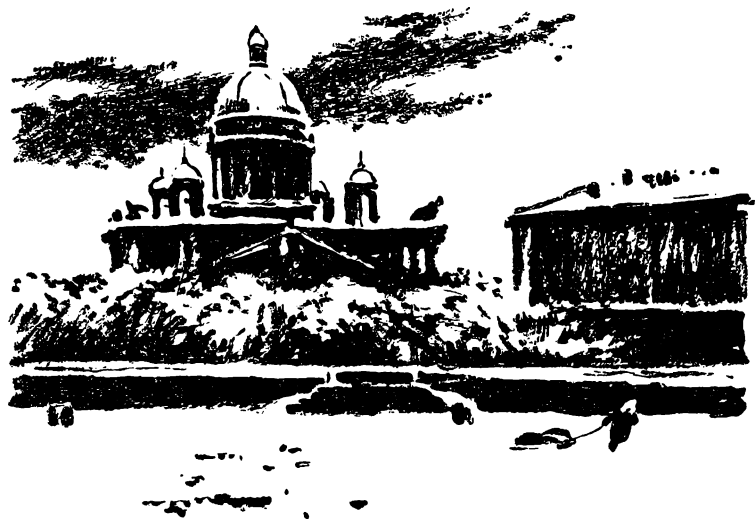
МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1973

Эта повесть написана на основании книг, документов и газетных сообщений, рассказывающих об участии ребят Ленинградской области в борьбе с фашистскими захватчиками в 1941—1943 годах.

Многие юные герои хорошо известны, они награждены орденами и медалями, многие из них здравствуют и поныне. Например, Евгений Кухаренко, бывший отважный партизанский связной. Это он, уничтожив гранатой засаду врагов, со второй гранатой в руке добрался до партизанского штаба, переплыв несколько речек. Другие — как Леша Суханов и Паша Губарев — погибли.

А сколько юных героев остались неизвестными! В первую очередь это бойцы «невидимого фронта», те мальчики и девочки, которые помогали нашим разведчикам. А у разведчиков такая работа, что о них не говорят при жизни и далеко не все можно сказать после смерти. Да и документальные материалы о них неполны и отрывочны.

В этой книге мы рассказали историю двух таких разведчиков, погибших, но выполнивших задание Родины. Мы попытались представить не только что они делали, но и что думали, что чувствовали, как они жили день за днем. Мы считали бы свою задачу выполненной, если, прочитав эту книжку, новые отряды красных следопытов вышли бы в поход за материалами о неизвестных юных героях своих областей.

С-123
Верховное главно-
командование воору-
женных сил

№ 44

1675/41 секр.
канц. нач. штаба
(отд. Л/І опер.)

Гл. квартира фю-
рера
7.X.41 г.

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
АРМИИ

(опер. отдел)

Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником...

О том, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само русское радио.

Небольшие неохранные проходы, делающие возможным выход населения поодиночке для эвакуации во внутренние районы России, следует только приветство-

вать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же нельзя кормить их население за счет германской родины.

Хаос в России станет тем больше, а наше управление и использование оккупированных территорий тем легче, чем больше население Советской России будет бежать во внутренние области России.

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров.

*По поручению начальника штаба
верховного командования воору-
женными силами — Иодль.*

Этот документ был подписан в октябре 1941 года, то есть уже после того, как германские армии группы «Север» пытались взять Ленинград штурмом, но были остановлены частями Северо-Западного фронта, прижавшими спиной к самым окраинам города.

Они были остановлены, и в двадцатых числах сентября 1941 года наша разведка обнаружила, что противник начал строить землянки и бункера, готовясь к зиме и долгой осаде.

Город был отрезан от страны, от баз снабжения продуктами, топливом и боеприпасами.

Фашисты отказались от штурма, полагая, что город, который ежедневно подвергается обстрелу из гигантских орудий, бомбежкам, спалившим еще в первые дни осады крупные продовольственные склады, да еще под ударами лютой зимы 1941 года, — что этот город обречен. Голод выкосит большую часть жителей, остальное довершит страх, моральное падение...

Кончалась зима. Город жил. Его заваленные снегом улицы были покрыты трупами, люди двигались медленно, как во сне, но работали заводы, а по радио звучали голоса поэтов и певцов, выходили литературные журналы, давал спектакли Театр музыкальной комедии.

Прошло лето, началась осень — целый год блокады! Город жил.

И тогда фашистское командование начало стягивать к Ленинграду свежие силы. Из Крыма была переброше-

на 11-я армия генерал-фельдмаршала Манштейна. Готовился штурм Ленинграда.

Но в конце августа наши войска Ленинградского и Волховского фронтов начали неожиданное наступление сразу на нескольких направлениях. В ходе яростных боев в течение сентября 1942 года 11-я армия Манштейна была перемолота, и ни о каком штурме Ленинграда не могло уже идти и речи.

Снова наступило затишье.

1

Лешка жалел, что будет учиться в пятом классе, а не в четвертом. У малышей уже занятия начались, а в старших классах — только с пятнадцатого октября. В школе же кормят три раза в день.

А Лешке до пятнадцатого октября ждать и ждать.

Если бы он не пошел сразу во второй класс, сейчас бы как раз ходил в четвертый. Мама с папой тогда гордились, что он еще до школы научился читать и считал запросто до тысячи. Конечно, никто не знал, что так получится...

Теперь читать нечего, все книги сожгли зимой. Но дел хватает.

Лешка сидел у окна и менял у рогатки резинку. Обе полоски надорвались у рогатульки, где были перевязаны нитками, и могли порваться в самый нужный момент. Поэтому он ставил новые полоски из отличной резины — у него еще оставался запас от маминого противогАЗа.

Лешка работал неторопливо и осторожно — рогатка должна быть надежна. Целый год он мечтал встретить в городе синицу. Воробьев не было, на ворону рассчитывать не приходилось, а вот синицы, говорят, залетают. Только трудно попасть в нее...

Начался обстрел, грохнуло где-то кварталов за пять. Лешка посмотрел на ходики: минута в минуту начался. Каждый день в одно и то же время фашисты начинали стрельбу по городу из тяжелых орудий.

Ходики Лешке подарил папа давно, до войны и до школы. Они были не собраны: детали, колесики, гирька и длинная цепочка — все это лежало в картонной коробке. Вместе с папой они собрали все по инструкции.

Потом папа вбил гвоздь в стену — он был высокий и мог вбить, не вставая на табуретку, со стрекотом подтянул гирьку, толкнул маятник, и ходики застучали.

— Ну вот, твое время пошло, — сказал папа, — вырастешь, получишь паспорт — будут тебе наручные часы. А пока — эти.

Первое время Лешка все бегал к ходикам, когда по радио говорили, который час. Как-то не верилось, что из таких несерьезных штучек собрались часы и показывают настоящее время. Но ходики шли удивительно точно.

Подряд разорвались еще два 220-миллиметровых снаряда: один недалеко, а другой подальше, наверно на Охте.

Что-то Верка не идет... Из дома сегодня все жильцы пошли разбирать старые дома. Каждому надо собрать и сдать четыре кубометра дров, тогда два кубометра дадут на руки. А на чем их тащить? Конечно, если от домоуправления, то близко. Но сестра говорит, что еще не скоро четыре наберет, трудно этот дом разбирать, потому что он крепкий.

Лешка отложил рогатку, не доделав. Захотелось посмотреть, сколько это — два кубометра. Два метра на два это четыре квадратных, и один в высоту. А можно проще: потолок у них четыре метра, значит, от угла на полу отложить по метру и до потолка — получится толстый столб! Ого, жить можно. Здесь и сложим, чтобы до печурки далеко не носить.

Кстати, не затопить ли печурку? Вода согреется к Веркиному приходу, и останется только пшено засыпать...

Дом вздрогнул от близкого взрыва.

Лешка отнес кастрюльку с водой в комнату и осторожно, стараясь не расплескать, поставил на печурку. Не успел он зажечь растопку из щепочек и кусков обоев, как пришла Верка.

2

Сестра сильно устала: дорогой она почти бежала и на третий этаж поднялась одним духом. Хотя они с Лешкой все лето работали в подсобном хозяйстве на овощах, где еды было вдоволь, но стоило пожить не-

сколько дней в городе — с беготней на завод, да еще на дрова, — и куда девалась вся летняя сила!

— За хлебом ходил? — отдышавшись, спросила она.

— Не привозили еще, — сказал Лешка. — А ты чего такая?

— Будешь такая! Жиры дают на сентябрьскую карточку!

— Ну да?! А какие?

— Не знаю, выдавать не начали, а очередь на улице стоит.

— И я с тобой пойду.

— Да там долго. — Она торопливо складывала в сумку банку, бутылку, клеенчатый мешочек: мало ли что могут дать. — Ты начинай варить!

Вера достала из фанерного ящика два зеленых капустных листа.

— Порежешь, положи. Как закипит, всыпь пшена — в рюмку, с ободком. Горкой не насыпай, вровень. Долго не кипятит, ставь в подушки, а то с этими дровами неизвестно еще, что будет. Давай карточки!

Карточки они хранили на себе. Это мама пришила всем холщовые карманы на изнанке одежды. У Лешки карман застегивался на большую белую пуговицу. Вера всегда настораживалась, когда Лешка лез за пазуху и начинал возиться с этой пуговицей. Парень большой, но все-таки еще очень несобранный. А ну как потерял? Иногда она замечала, что когда он расстегивает куртку, чтобы достать карточку, то пугается. Наверно, тоже думает: а вдруг нету? Вот и сейчас — ручонку засунул, а глаза застыли. И его такого и жалко до слез, и злость берет...

— Хлебную тоже давай, может, подвезут, пока стою.

— А вдруг растительного масла дадут? — глаза у Лешки широко раскрылись.

— Ну ты нафантазируешь! — Вера засмеялась.

Она взяла у него две карточки, серую и коричневую, уступчато вырезанные, похрустывающие. От этих бумаг, расчерченных на дни и декады, от мелко напечатанных слов «хлеб», «жиры», «мясо», «сахар и конд. изд.» возникало ощущение надежной уверенности. В руке лежала еда. Много будущей еды. Такого ощущения не давали деньги, хотя новенькие они тоже хрустели.

Сестра спрятала карточки в карман и, помахивая сумкой, пошла к двери. И тут обернулась.

— Сварится, а меня нет — поешь, если не дотерпишь.

— А жиры туда не будем класть?

— Положим, положим.

— Я дотерплю!

— Ну смотри, — она подмигнула ему и вышла.

3

Прежде всего Лешка проверил крупу. С утра ему казалось, что в банке ее больше половины, пальца на два от края... Посмотрел. Крупы было на два пальца от дна.

Варить надо было начинать минут через сорок, чтобы не остыло к приходу Верки. И он стал доканчивать рогатку.

Опять грохнуло близко, слышно было, как по крыше дома напротив глухо простучали осколки.

Лешка вспоминал, что он ел этим летом. Вот это была еда! Уже с весны стало легче. Появилась трава, ее зеленые ниточки можно было выбирать из пучков прошлогодней травы часами, не торопясь. Потом пошли листья. Потом одуванчики. Но по-настоящему стали есть, когда они с Веркой пришли в подсобное хозяйство работать на грядках. Тут пошла редиска, свекольник! Это была и еда и витамины. Хвойный отвар, который удавалось зимой достать в столовой, вспоминался теперь с отвращением. Ну а потом... Картошка! Капуста!

Лешка зажмурился от воспоминаний.

— Ле-ша! Ле-е-ша-а!..

Лешка выглянул в окно. Во дворе, у подворотни, стояла дворничиха тетя Маша, она была в черной железнодорожной шинели, которую не снимала, кажется, даже летом.

Тетя Маша подняла руку и медленно поманила его ладонью.

— Чего? — спросил Лешка.

Не ответив, она опять поманила его и ушла в подворотню. Лешка спустился во двор и вышел на улицу. Тетя Маша шла в ту сторону, где магазин, и не оборачивалась. Он догнал ее уже за углом.

Улица была затянута пылью как дымом. Половину

углового дома срезал снаряд, обломки засыпали проезжую часть. Черная «эмка», видимо отброшенная волной, стояла, уткнувшись передним крылом в стену дома. Какой-то человек в сером брезентовом плаще, всунувшись в открытую дверцу машины, что-то делал там, изредка повторяя:

— Михеич... Михеич!..

У развалин уже появились люди. Лешка все это видел отчетливо и сразу. Обычная картина. От пыли саднит глаза, и запах как на чердаке.

Тетя Маша обошла машину, прошла до первых обломков, обернулась и посмотрела на Лешку.

И тогда он понял, зачем она привела его сюда, и вдруг стал легким и пустым, как во сне, когда падаешь в темноту.

Он увидел то, что привык часто видеть на улицах. Видеть и не отворачиваться. Тем более когда этого совсем немного. Кусок материи в пыли был знакомой расцветки...

Лешка прислонился к стене спиной. Стена казалась горячей.

— Домой иди! — громко сказала тетя Маша. — Я зайду потом.

Лешка разлепил губы и тонким, обрывающимся голосом сказал:

— А там... карточки есть?

Тетя Маша с испугом взглянула на него, нагнулась, но сразу выпрямилась и махнула рукой:

— Где тут... Господи, когда же это кончится!

Уже начали убирать обломки. Ветер продул из улицы пыль. Приехала полуторка с людьми. Стало шумно. Лешка не сразу понял, чего от него хочет человек в сером плаще.

— Телефон где? Идем, покажешь, где тут позвонить можно.

Человек взял его за руку.

— Куда вы его? — спросила тетя Маша.

— Мне позвонить.

— А в домоуправлении! Идемте покажу.

Человек отпустил Лешкину руку, но Лешка продолжал идти за ними. Пришли в домоуправление, телефон висел в коридоре. Горела пыльная лампочка. Человек стал звонить, тетя Маша вошла в темную каморку, а Лешка опять прислонился к стене. Тетя Маша, погре-

мев в каморке, вытащила две лопаты. Человек стучал по рычажку — все время было занято.

— Быстреей дойти... — Он повесил трубку и стал закуривать.

— Эх, малой, малой... — тетя Маша смотрела на Лешку. — Вот что с ним делать? Сестру убило, а карточки все... там.

— Один? — Человек мельком взглянул на Лешку.

— Один! Мать зимой померла, — заторопилась тетя Маша. — Отец без вести... Должны же быть приемные дома!

— Дома есть... — Человек опять посмотрел на Лешку и снова стал звонить. — Теперь — никого! Что за черт!..

Он застегнул плащ, пошел было к двери, но остановился.

— Что, и родственников нет?

— Может, есть у тебя кто? — наклонилась к Лешке тетя Маша.

Лешка проглотил слюну и качнул головой.

Человек в плаще посмотрел на тетю Машу, потом на часы, подумал немного, вздохнул.

— Ну, идем, парень. Попробую тебя пристроить.

— А квартира как же? — забеспокоилась тетя Маша.

— Это потом уладят.

Человек в плаще — он был еще не старый, лет тридцати — сел за руль «эмки» с безнадежным видом, но машина легко завелась, и он даже головой покачал:

— Смотри пожалуйста!.. Ну, садись сюда.

Лешка сел рядом с ним. На заднем сиденье лежал кто-то.

— Да-а, — сказал человек, — был хороший шофер Михеич и вот... Как тебя зовут?

— Леша.

— Леша... Ну а я Сергей.

Пока задним ходом выезжали из улицы на перекресток, Лешка видел людей, неторопливо разбирающих обломки.

Ехали долго. Сергей всю дорогу молчал. Приехали к какому-то зданию. Сергей ушел.

— Посиди, — сказал он.

Скоро вышли люди с носилками и забрали Михеича. Через час вернулся Сергей. Поехали в другое место,

въехали во двор. Здесь Сергей пробыл еще дольше. Когда вышел, уже темнело.

— Ну, вылезай. Потопаем на своих.

Сергей запер машину, и они вышли на улицу.

— Закрутился совсем. Завтра тебя устрою. Переночуешь у меня. Годится?

Лешка кивнул. Ему было все равно, лишь бы не домой. Туда бы он не смог сейчас войти, хотя там была капуста. И крупа. И в печке растопка. Он вспомнил, как она лежит: щепочки на кусках обоев.

Сергей привел Лешку в темную квартиру, зажег керосиновую лампу. Свет ее после привычной коптилки казался поразительно ярким. В комнате было много вещей и очень много книг на полках во всю стену. Лешка сразу почувствовал, что в квартире никого больше нет, вообще никто больше не живет, кроме Сергея. Он стал осматриваться, и тут его словно толкнуло в спину. Лешка обернулся. Сергей вскрыл тускло блестящую, жирную от смазки консервную банку. Комнату распирало от потрясающего запаха.

— Вот нам тут и жиры и мясо, — сказал Сергей и развернул пакет. — Варить долго, мы уж ее с хлебом. Давай, брат, отоваривайся.

Хлеб был обычный, но не триста граммов, а, пожалуй, все полкило, как теперь по рабочей карточке стали давать. Прошлой зимой выдавали на рабочую карточку по 250 граммов в день, а на детскую — 125 граммов. Этот разрезанный на сухарики кусочек хлеба да кружка теплой воды — вот как они завтракали, обедали и ужинали прошлой зимой!

Сергей нарезал хлеб и намазал на кусок тушенку. Получилось очень толсто, и сверху белые тающие слои жира, и темно-красные волокна мяса, и этот запах, от которого до боли свело все кости лица, а рот переполнился слюной...

Они съели половину банки, а она была величиной со стакан, если не больше. Сергей хотел намазать Лешке еще один кусок, но Лешка замотал головой и даже руки выставил, отталкиваясь:

— А завтра же?!

— Н-да-а... — Сергей поцокал языком. — Может, это и разумно. Завтра сварим.

Но он все же отрезал совсем маленький кусок хлеба, намазал тушенкой и дал Лешке.

— Поставим жирную точку, — улыбнулся он и подмигнул.

И Лешка увидел Верку, как она подмигивает ему, уходя... Это было сегодня, недавно, но кажется, что давно и совсем в какой-то другой жизни.

4

Лешка всегда спал мало, а на новом месте особенно. На следующий день он проснулся в пять утра. Солнце еще не встало, небо пасмурное. Он оделся, заглянул в соседнюю комнату. Кровать не убрана. На столе ключ и записка.

«Алексей! Постараюсь прийти за тобой пораньше. Свари тушенку — керосинка в кухне, крупа на столе. Читай. Гулять захочешь — на улицу не ходи, будь во дворе. Дверь запири обязательно. Сергей».

Написано было небрежно. На слове «читай» карандаш сломался, дальше буквы процарапались. Сергей торопился. А куда?

Лешка осмотрел квартиру. Много мебели, книги и все какое-то нетронутое. Чем же тут топили зимой? И «буржуйки» нет. И кто такой Сергей, в конце концов?

Вчера Лешке было не до размышлений, хотя в Сергее он и почувствовал что-то неестественное. Не инвалид, не старик, а в штатском. Непривычно... А тушенки столько откуда? И какой-то он не по-ленинградски крепкий, движется быстро. Лицо, правда, спокойное, кругловатое. Не такое, как, по Лешкиным представлениям, у настоящих немецких шпионов: горбоносых, длиннолицых, с водянистыми глазами.

Лешка отгонял подозрения, убеждал себя, что тогда бы Сергей не ездил открыто на машине, не вышли бы люди с носилками, и в дома бы он входил крадучись, а труп Михеича спрятал бы, если это его жертва или сообщник. Все же подозрения, хотя почему-то и не пугали его, нет-нет да и возвращались.

Прежде всего Лешка стал варить тушенку, все время размышляя над запиской. Там не было сказано «свари и ешь». А было «свари». Как это понимать? Ждать Сергея? Или это можно понять как само собой разумеющееся «сварил, так ешь»? Последнее казалось очень разумным. В конце концов он сварил суп и, не дав как

следует развариться пшену, съел свою долю. Сергей придет и поест, а Лешка уже сыт. Все же он съел несколько меньше половины, чтобы иметь право не отказываться, если Сергей предложит есть вместе.

Потом он принялся за книги. Конечно, если б мама была жива, она бы не разрешила жечь книги, ну, может, только некоторые. А они с Веркой сожгли все...

Книги были незнакомые и не детские. Он наткнулся на толстую, огромную книгу с массой интересных картинок. Книга была, очевидно, религиозная, так как у одного человека в длинном халате над головой все время висело светлое колечко. Написано было на немецком языке, похоже, стихами.

Лешка опять задумался о Сергее. Но потом все же досмотрел до конца жутковатые картинки. Дело там происходило, по всей видимости, в аду.

В час дня Сергея еще не было. Лешка вышел из квартиры, запер, подергал дверь и пошел гулять. Через час, изучив двор и все подворотни и подъезды и не найдя ничего интересного, он вернулся. Только хотел вставить ключ, как в глубине квартиры звякнуло что-то металлическое. У него так забилося сердце, что он выронил ключ, зазвеневший на бетоне. Лешка схватил ключ и бросился к лестнице, но тут дверь резко распахнулась.

— Э! Ты куда?

Это был Сергей. Пришлось вернуться, хотя испуг не проходил. Он мог поклясться, что звук был далеко в глубине, а перед тем, как дверь раскрылась, за ней не было никаких шагов.

Сергей внимательно посмотрел на него и потрепал по затылку. В квартире было тихо, и Лешка опять чувствовал, что они одни. Но он настороженно прислушивался, а потом посмотрел на ноги Сергея. Тот был в обычных полуботинках на резине — стук от них на паркете будь здоров!

Сергей с интересом наблюдал за ним, стоя в передней. Лешка перехватил его взгляд и покраснел. Тогда Сергей поднял указательный палец и вдруг стремительно и бесшумно пробежал весь коридор до кухни.

— Ну, как объяснение — годится? — улыбнулся Сергей.

Лешка кивнул. Напряжение отпустило.

— Ты не подумал, что у меня второй ключ, следопыт?

Лешка покачал головой. Они вошли в комнату.

— Ты понимаешь, какое дело... Опять я ничего не успел для тебя придумать. Верчусь, кручусь. Дел, сам понимаешь, много.

— Ничего, — сказал Лешка, подавляя желание спросить, что же это за дела.

— Сейчас опять ехать надо, — Сергей закрывал портфель. — Я там греться поставил. Поедим сначала.

— А где книга?

— Какая?

Лешка показал на шкаф. Он прекрасно помнил, что там между двумя серыми стояла желтая книга. Правда, он до нее не добрался, высоко.

— Вот эта? — Сергей вынул книгу из портфеля.

— Да.

— Читал ее?

— Нет.

— А почему ж ты о ней вспомнил?

— Ну, видел, — Лешка повел плечом, — она желтая.

Сергей хмыкнул, прошелся по комнате, потом сел и постучал по столу пальцами. Он смотрел на Лешку задумчиво.

— Выйди в ту комнату, — вдруг сказал он.

Лешка вышел, лихорадочно соображая, что такое он мог натворить.

— Войди, — сказал Сергей.

Лешка вошел и удивленно посмотрел на Сергея, по-прежнему сидевшего за столом.

— Смотри! — Сергей показал на стол. — Что тут изменилось, пока ты уходил?

Ничего особенного там не менялось, так, мелочи. Металлическая лапка, сжимавшая пачку бумажек, уехала на край стола. Алюминиевая кружка повернулась ручкой в другую сторону, а портфель лежал чуть под другим углом. Лешка сказал об этом.

— Скажите пожалуйста! Портфель, правда, тут ни при чем, как лежал, так и лежит, а вообще неплохо.

— Портфель подвинулся. Он вот так лежал, — Лешка слегка подвинул его на место.

Сергей нахмурился, привстал, протянул руку за лап-

кой с бумагами и вернул ее на место, следя за своим локтем. Действительно, локоть мог задеть портфель.

Сергей посвистел задумчиво, глядя в пол, потом при-
тянул Лешку, поставил его между колен и очень серьез-
но посмотрел на него.

— Вот, брат, какие дела...

Судя по его лицу, дела были плохи, но Лешка никак
не мог понять, что произошло.

— Тебе сколько лет, Алеша?

— Двенадцатый.

— А в детдом ты очень хочешь?

Лешка пожал плечами и опустил голову.

— У меня карточек нет...

— Карточек... Карточек у тебя нет, это верно, —
Сергей растрепал ему волосы и встал. — И не знаю, хо-
рошо это или плохо. Ладно! — он сразу подтянулся и
стал таким же строгим и озабоченным, каким был вче-
ра после разрыва снаряда. — Иди ешь. А потом сиди
до моего прихода и никуда не выходи.

*«В целях пресечения злоупотреблений продоволь-
ственными карточками и недопущения получения прод-
товаров по возможным фальшивым карточкам провести
с 12 по 18 октября 1941 г. перерегистрацию продоволь-
ственных карточек на октябрь месяц».*

*Из постановления Ленгорисполкома
от 10.X.41 г.*

После перерегистрации выявился переизбыток кар-
точек, в основном за счет фальшивых: на хлеб —
на 88 тыс. шт.; на мясопродукты — на 97 тыс. шт.; на
жиры — на 92 тыс. шт.

Так еще в самом начале блокады была обнаружена
диверсия, организованная фашистской разведкой. Рас-
чет заключался в том, что наводнение Ленинграда мас-
сой фальшивых карточек приведет к быстрому истоще-
нию продовольственных запасов и к окончательной ги-
бели города от голода. Диверсия имела систематический
характер и планировалась на весь период блокады.

*«...Считаю необходимым отметить также, что каче-
ство полученного мною оборудования не полностью*

соответствует технической сложности задачи. Однако привлеченный мною специалист способен, по-видимому, даже на такой машине довести идентичность продукции оригиналу до высокой степени.

Подготовка кадров для массовых акций будет завершена к середине ноября, как и намечалось.

Майор Краузе».

*Из рапорта начальника
спецкоманды «О4-Р»
3.IX.42 г.*

5

— Я все больше думаю, — сказал Сергей, — что базироваться на партизан мне нельзя. Деревня — все на виду. А Краузе не дурак, своих людей наверняка там держит, помимо гарнизона. Появлюсь в деревне — и привет. А в лесу сидя, ничего не сделаешь, работать надо вблизи самой школы. Если не в самой.

— Что ты мне долбишь, что черное — это черное? — вяло сказал Хазин, растирая ладонью лицо — он не спал вторые сутки.

Они сидели в зашторенной полутемной комнате. Ветер шевелил тяжелую занавеску. Весь пол у окна был покрыт битым стеклом.

— Если придумал что, — сказал Хазин, — то не тяни.

— Придумал. Я там появлюсь как глухонемой, скажем. Юродивый. В общем, придурок.

— Придурок... — вздохнул Хазин, — ну и что ты сможешь делать? Ходить да мычать? Чуть что умное сделаешь, тут тебе и... Как ты местных будешь привлекать? Ни с кем же не поговорить, не встретиться. Как без рук.

— Руки я себе нашел. Буду ходить с мальчиком. Племянш он мой, допустим. Я-то беспомощный, он за меня все делает, и подозрений это не вызывает.

— Слишком эффектно. Это же все-таки Краузе! Такой спектакль у него под носом. Нет, выпукло слишком.

— Да почему?! Вы что, в деревнях не бывали? Там чуть не в каждой свой дурачок.

— Это же как сыграть надо! Хотя... — Хазин оживился, — бороденка у тебя растет плохо, реденькая,

клочками. Сено в волосах, в глазах пусто... А парнишка вокруг шустрит, милостыня там, разговоры слушает, с кем надо сам поговорит... Да, ничего. Но где такого парня взять? Проболтается, не сыграет...

— Парень есть.

— Способный?

— Более чем. Круглый сирота к тому же. Подготовлю за две недели.

— Стоп, стоп! Не увлекайся. — Хазин встал, потянулся и зашагал по комнате, хрустя подошвами на битом стекле. — Давай-ка все заново взвесим.

6

Подготовкой мальчика занимался не один Сергей — несколько инструкторов обучали его профессии разведчика. Он изучал по картинкам форму и знаки отличия родов войск немецкой армии. Любимым предметом было у Лешки изучение оружия, в основном немецкого. Разбирая и собирая парабеллумы, автоматы, карабины, он так наловчился, что, например, пистолет «вальтер» собирал с закрытыми глазами. Эти пистолеты он любил за изящество и удобство. Он спросил Сергея, дадут ли ему пистолет в личное пользование. Сергей понимал, что Лешка, как всякий мальчишка, увлечен игрой в оружие. Все эти занятия да и туманное, совершенно пока неясное для Лешки будущее задание тоже были игрой. Игра помогала обучению, и Сергей не хотел обрывать ее раньше времени. Он объяснил, что работа разведчика заключается не в том, чтобы убивать врагов, это делают солдаты на фронте и партизаны, а в том, чтобы узнавать о враге важные сведения, которые помогают победить в войне. И что если дело дошло до стрельбы, то это, вероятней всего, провал. Лешка поскущел, и Сергей добавил, что разведчикам все-таки приходится пользоваться оружием и стрелять надо уметь отлично, но носить пистолеты с собой им не придется, при случайном обыске это может все погубить.

Стрелял Лешка плохо. Прилично получалось только из винтовки, да и то с упора. Сергей заметил, что стрелять из автомата с рук Лешка даже побаивается. Когда тяжелый немецкий автомат начинал грохоча трястись у него в руках, Лешка смотрел уже не на мишень, а на

автомат — старался совладать с ним и вернуть в прежнее положение. Сергей надеялся, что дело наладится, когда мальчишка физически окрепнет, он был еще слаб.

Да и не диверсанта же он из него готовит, не бойца. Куда ему с такими ручонками! Сообразительность, способность не теряться, ну и, конечно, высокая сознательность — вот что в нем самое ценное. Все это так, но, если они попадут в переплет, драться придется одному. Может, попробовать найти другого? Времени мало, но еще несколько дней есть.

Сейчас он смотрел на мальчика, старательно закрывавшего глаза, но, конечно, не спящего. Худое плечо торчит из-под одеяла, бледная щека. Длинные ресницы. Он только что заметил, какие у Лешки длинные ресницы...

Да нет — спит. Сморил.

Нет, не будет он никого больше искать. Он привязался к этому молчаливому мальчугану с большими взрослыми глазами. Да и Лешка к нему... Они сроднились за эти дни. А это стоит многого.

Сергей прошел в свою комнату, сел на кровать. Он впервые дал волю тому неясному чувству, которое тщательно подавлял в себе в эти дни. Оно возникло в тот момент, когда, пораженный Лешкиной наблюдательностью, он сложил в голове план операции. Он тогда увидел способ, которым лучше всего можно выполнить задание. От того, выполнит ли он его, в какой-то степени зависит судьба Ленинграда, его способность выстоять. И здесь необходимо отбросить все личное. Он был профессиональным разведчиком и давно научился не принимать в расчет свои желания и свою безопасность. Но мальчик... Чем кончится для него вся эта история? И имеет ли Сергей право брать его на опасное задание? Но ведь все уже с Хазиным взвесили: самый правильный путь — этот. Юродивый и мальчик-поводырь. И надо все время помнить, что от них зависит, умрут ли от голода еще тысячи таких мальчиков или выживут. И помнить только это и ничего более! Но все же...

Тревожное и неприятное чувство, которое Сергей подавлял в себе все эти дни, было чувство вины перед Лешкой.

Лешка занимался необычной тренировкой: его учили владеть своим лицом. С ним работал болезненный молодой человек в очках, дужки которых были перевязаны нитками. У него были необычайно длинные пальцы, кисти рук казались огромными и жили как бы отдельной от тела жизнью. Лешка с трудом отводил от них глаза, смотреть на движение пальцев было интересно и немного смешно.

Молодой человек был студентом театрального института. После стрельбы, ходьбы по болотам этот преподаватель, да и само занятие казались Лешке несерьезными. Поэтому и получалось плохо.

— Ну хорошо, попробуем вот что еще, — молодой человек снял очки и протер их кусочком бинта. — Заплачь.

— Как? — удивился Лешка.

— Ну как, слезами, по-настоящему, чтоб плечи тряслись, лицо исказилось — и слезы, слезы!

Студент был какой-то издерганный и говорил резко и нервно, хрустя пальцами.

— Это же нарочно нельзя.

— Надо! Может понадобится. Вот случится такая ситуация, что заплакать — значит спастись. Поймали тебя, понимаешь, поймали, и если ты будешь вести себя как лейтенант Шмидт, то любой немецкий кретин догадается. А ты маленький испугавшийся мальчик. А мальчики от испуга плачут. Я понятно говорю?

Лешка кивнул и попробовал. Ничего не получалось.

— Это делается так, — сказал студент и задумался. — Попробуй вспомнить, ну, самое тяжелое в жизни, когда тебе было очень плохо. Ну?

Лешка опустил голову и пожал плечами. Студент покашлял, встал, прошел около Лешки и глухо, скороговоркой проговорил у него за спиной:

— У тебя мама умерла, я знаю, вспомни ее.

Лешка не обернулся. Он увидел маму, как она пришивает ему на холщовый карман для карточек большую белую пуговицу. Она тогда склонилась, чтобы перекусить нитку, и долго так сидела, потом вынула нитку изо рта и, отдышавшись, тихо сказала: «Принеси ножницы, Алеша...»

И как она лежала в кровати, уже не вставая, на-

крытая шубой поверх одеял, и как однажды Вера отвела его в другую комнату и посадила лицом к окну и велела не оборачиваться, но он обернулся, когда по полу заскрипели полозья. Вера, пятясь, тащила к двери санки, на которых...

— Вспомнил? — тихо спросил студент.

Лешка кивнул. Студент снова сел и посмотрел на Лешку.

— Ну... — студент похрустел пальцами, — тогда сощурь глаза. Сильней. Тебе больно! Ты один!

Слезы не получались. Студент подался вперед и близко от Лешкиного лица спросил еле слышно:

— Но ты вспомнил?

— Нет, — Лешка отвел глаза.

Студент встал, подошел к окну и долго стоял, прижавшись лбом к стеклу, перекрещенному бумажными полосами.

Дверь открылась, вошел Сергей.

— Володя, я его возьму на полчаса, — сказал он.

— Да, да! — студент поспешно обернулся. — Да. Пожалуйста!

Сергей повел Лешку по коридору.

— Сейчас ты встретишься с настоящим фашистом, — неожиданно сказал Сергей.

И не успел Лешка опомниться, как Сергей открыл какую-то дверь и подтолкнул в нее Лешку. На стуле возле пустого стола сидел капитан СС, это Лешка увидел сразу по форме и погонам. Больше никого в комнате не было. У Лешки все перемешалось в голове: сейчас сбоку войдут еще эсэсовцы, один с тонкой палкой, усмехаясь... Дверь лязгнет за спиной...

Лешка попятился.

— Спокойно, — сказал Сергей и вышел вперед.

Эсэсовец вопросительно смотрел на него. Это был некрупный человек, белобрысый, со светлыми бровями и бледными веснушками на худом лице. Он был выбрит и причесан, но без пояса на кителе, отчего возникало ощущение неряшливости. Руки его лежали на коленях, видно было, что он подавляет желание встать.

А-а-а... Мало ли на кого можно надеть форму! Лешка хитровато посмотрел на Сергея, но его лицо было строгим и напряженным, и Лешка почувствовал, что здесь нет обмана.

Сергей быстро и отрывисто сказал что-то по-немец-

ки. Офицер коротко ответил, пожал плечами, встал и подошел к Лешке. Лицо офицера болезненно перекошлось.

— И что дальше? — презрительно спросил он. Лешка кое-что помнил из немецкого, это он разобрал.

От офицера пахло чужим! Совершенно незнакомый запах. То ли обмундирование так пахнет, может, кожа сапог, а может, он одеколоном немецким надушился, гад! Лешка побоялся, что Сергей заставит его коснуться немца.

— Ты внимательно посмотри на него, — сказал Сергей. — Его взяли в плен партизаны. Он был в карательном отряде, который сжег четыре деревни. Они расстреливали детей. Но ты видишь, это не зверь — человек. Возможно даже, он боится щекотки, — Сергей спросил немца, тот ответил, усмехнулся, разведя руки. — Нет, он не боится щекотки.

Немец добродушно посмотрел на Лешку, и тому пришлось сделать усилие, чтобы не отойти на шаг.

— Сколько он расстрелял сам, он не расскажет.

Офицер вернулся к стулу, сел и положил ногу на ногу.

— Боишься его? — спросил Сергей.

— Н-не знаю...

— Сейчас-то он не опасен... Ну, посмотрел?

— Да... А где он живет? — неожиданно спросил Лешка и поправился: — Жил.

Сергей задал несколько вопросов, офицер ответил.

— Он жил во Франкфурте-на-Майне. У него там квартира из четырех комнат. Мать, жена и дочь. Твоих лет.

— А что он до войны делал?

— А он и до войны был эсэсовцем. Убивал и сажал в лагеря антифашистов.

— А...

— Ну?

— А он учился в школе?

— О да! Он учился в школе. Возможно, даже был отличником.

— А когда он?.. Он сразу был такой?

Сергей помолчал, глядя на Лешку.

— Ладно, пойдем.

Они вышли, не взглянув на немца. У двери стоял

часовой, значит, Лешка так растерялся, когда входил, что его не заметил.

— Нет, капитан Ригерт не родился фашистом, — сказал Сергей, когда шли по коридору, — но потом его начали учить. Когда Гитлер пришел к власти. И дома, и в школе, и в «Гитлерюгенде». Его стали учить, что есть низшие люди: негры, евреи, славяне, а есть высшие — арийцы. И только арийцы имеют право господствовать и пользоваться благами жизни, а остальные вроде рабочего скота. А большой ли грех убить вола или лошадь? И такой порядок надо установить во всем мире: арийцы царствуют, а низшие расы — в загонах, как скот. А чтобы установить такой порядок, надо завоевывать остальные страны и уничтожить множество низших людей, освободив место для арийцев. И он даже сейчас так думает! Он ведь и сейчас чувствовал себя высшим существом, этот подонок.

— Его расстреляют?

— Пока нет. Его будут судить, когда кончится война. Их всех будем судить!

— Нам еще сколько до них наступать, — сказал Лешка.

Сергей посмотрел на него.

— Да... Наступать... Чтобы начать наступать, надо, чтобы тысячи таких, как мы с тобой, выполнили свои задания. Десятки тысяч!

— Дядя Сергей!

— Опять мы с тобой забыли: не дядя Сергей, а...

— Сергуня! Ничего, я привыкну. Вы... Ты обещал рассказать, какое у нас задание.

— Скоро расскажу, Лешка.

8

Он рассказал через два дня, вечером, после занятий.

С утра Лешку учили бросать гранаты. Сначала он кидал учебные. Падали они недалеко, и Лешка видел, как скучнел инструктор. Потом инструктор достал из сумки настоящую РПГ-42, зажал ее в руке, еще раз показал Лешке, как ее держать, выдернул чеку и подержал гранату довольно долго, поворачивая руку и показывая Лешке — все, мол, в порядке, держи сколько хочешь, только скобу не отпускай. А потом бросил и

пригнул Лешку ниже бруствера окопа. Рвануло здорово.

— Теперь ты, — сказал инструктор и достал вторую гранату.

Лешка сжал ее, торопясь, выдернул чеку и — не смог бросить. Он знал, что граната взрывается через одиннадцать секунд после того, как отпустишь скобу. Время достаточное. Но не мог, ноги затряслись, как после спуска с крутой горы, голове стало холодно, он держал гранату в вытянутой руке и не мог отвести от нее взгляда. А вдруг пальцы разожмутся?!

— Молодец, — странно ласковым голосом сказал инструктор. — Хорошо. Подержал. Теперь спокойно замахнись и выброси ее. Во-он туда.

И Лешка взял себя в руки. Он понял, что все равно ее теперь придется бросить. Надо. «Надо» — какое-то очень облегчающее слово. Надо — значит, можно не думать о том, к чему приведет. Надо — и ничего другого не остается.

Он бросил, и впервые граната улетела у него достаточно далеко. И он не пригнулся, стоя в окопе, при разрыве своей гранаты.

— Через три дня отправляемся на задание, — сказал Сергей, когда вечером пришли домой. — Садись и слушай внимательно.

Сердце у Лешки забилося часто-часто: сейчас он все узнает! Конечно, он давно уже строил разные предположения насчет этого задания. По самым смелым расчетам, им предстояло добраться до Берлина.

— Ты знаешь, что такое в Ленинграде потерять карточки, — заговорил Сергей. — Это значит умереть от голода. Но если карточки есть, человек знает, что он получит еду. Нормы на продукты так рассчитаны, чтобы на все карточки хватило. Правда, понемногу. А что будет, если карточек выпустить вдвое больше? За две недели на эти карточки выдадут весь месячный запас продуктов. И что тогда останется на вторую половину месяца?

«При чем тут карточки? — думал Лешка. — Наверно, нам мало еды дадут с собой, и он хочет меня подготавливать».

— Фашисты начали печатать и подбрасывать нам в город фальшивые карточки. Несколько недель назад нам удалось ликвидировать их типографию. Но теперь

заработала новая. Недалеко от Луги. Они ее маскируют под интендантскую команду, которая обслуживает лагерь для военнопленных.

— А как все это узнали?

— Там есть наш человек, в деревне, а в лесу целая группа с рацией. Вот они и сообщили, что в школу — а команда размещается в школе — привезли из-под Сиверской некоего Житухина. Мы выяснили, что он большой мастер печатать фальшивые деньги и вообще документы, до войны был осужден, отсидел, а потом сослан. Кроме того, видели, что в школу привезли какое-то оборудование, которое разгружали ночью. Ну и еще, что очень важно, — майор Краузе, начальник команды, есть в нашей картотеке. Это кадровый разведчик. В деревне большой гарнизон немцев, партизаны атаковать их не могут. Мы с тобой должны поселиться в этой деревне и сорвать работу типографии.

— А как? — Лешка был разочарован и не мог скрыть этого.

— На месте выясним. Ты чего нос повесил?

— Я не повесил.

— А чего ж он висит тогда? — засмеялся Сергей и зажал Лешкин нос между пальцами.

9

Днем Лешку привезли на машине к его дому. Лешка поднялся на третий этаж и отпер дверь. Пока он поднимался, ему казалось, что вот он войдет сейчас в квартиру и сразу почувствует, что Вера дома. Она выйдет из кухни в кофточке с закатанными рукавами, и руки будут мокрые, и она, оттопырив губу, сдует упавшие на глаза волосы и сердито скажет ему: «Где ты болтался, ребенок?»

Он был почти уверен, что так будет, пока не открыл дверь.

В квартире было очень пусто и холодно. Все же у Лешки сильно билось сердце, когда он шел мимо кухни в комнаты.

На печурке стояла кастрюлька, воду в ней затянуло слоем пыли. В печурке лежала растопка — щепочки на кусках обоев. Окно было открыто, на подоконнике ва-

лялась рогатка. Он сунул ее в карман и огляделся. Каким все это будет, когда он вернется сюда?

Он закрыл окно и прошел в свою комнату. Ходики стояли. Гирька на длинной цепочке коснулась пола и наклонилась в сторону. Он встал на табуретку, дотянулся до колечка на другом конце цепочки и поднял гирю. Потом толкнул маятник. Ходики бойко затикали. Завтра они остановятся, и никто не пустит их снова. Никто...

Лешка прижался лицом к стене и заплакал.

Машина возвращалась на Васильевский остров после артобстрела. К обстрелам давно привыкли, и жизнь в городе не прерывалась. На Исаакиевской площади женщины убрали капусту. Ряды синеватых кочанов пересекали площадь из конца в конец. С двух сторон площади торчали деревянные вышки со сторожами.

Машина объехала площадь, поехала по мосту через Неву, на Васильевский остров. Там, в узкой улочке, пришлось остановиться. Взрывной волной перевернуло грузовик с хлебом. Хлеб рассыпался по мостовой. Много хлеба. Быстро собрались прохожие, оцепили это место и никого не подпускали к буханкам, лежащим на булыжнике. Люди стояли кольцом, держались за руки и молчали. Они старались не смотреть на хлеб.

Таким Лешка запомнил Ленинград.

10

Шум боя оборвался неожиданно. Только что рвали воздух разрывы гранат, катилась по ночному лесу нестройная стрельба — и вдруг тишина. «Поп-поп-поп...» — простучала последняя автоматная очередь, и все стихло. Слышно было, как падает, с шорохом задевая ветки, тяжелая еловая шишка: короткая пауза, глухой стук о землю... Тихо. Только похрустывают, шуршат сухие листья, наваленные сверху на Сергея и Лешку.

Сергей пошевелился, потрогал Лешкино плечо, оно слабо дернулось.

Совсем притих парень. Он молчал с самого вылета, когда загудели моторы и самолет затрясся, разбегаясь по травяной полосе. В самолете он сидел на скамейке нахохлившийся, птенец птенцом. Только посматривал иногда на Сергея. Видно, по лицу пытался определить, когда же будет самая большая опасность. Не опреде-

лил, конечно. И потом молчал, когда заходили на посадку, на лесные костры, и штурман вышел и сказал, что вокруг «пяточка» видны в лесу вспышки выстрелов и командир спрашивает, что делать. Лешка стрельнул взглядом в Сергея и с безразличным видом потянулся. Храбрился. Для него ночной полет в холодном, гудящем и трясушемся самолете был страшней, чем бой, которого он никогда не видел.

Как это часто бывает, хорошо разработанная операция сразу же пошла наперекосяк. Их должны были принять на аэродроме командир отряда и двое-трое самых доверенных партизан, дать им надежного проводника и отправить из расположения отряда так, чтобы никто больше их не видел. Они сели в самое пекло боя. Партизаны с трудом удерживали район своего штаба. Бой шел весь день, продолжался ночью, и ясно было, что против таких сил фашистов им не выстоять, надо быстрее уходить, спасая людей.

Сергей и Лешка еле успели вылезти из самолета, как какие-то люди стали впахивать в самолет самодельные носилки с ранеными. Тем, кто грузил раненых, было не до прилетевших, а где командир, они не знали. Стрельба приближалась, надо было как можно скорей уходить отсюда, но без проводника это было бессмысленно. В темноте среди деревьев уже видны были бледные вспышки выстрелов. Люди суетились около самолета, пилот кричал на них... Сергей размотал веревку, служившую ему поясом, дал конец Лешке и приказал крепко держаться за него, чтобы не потеряться в ночной суете.

Командира они нашли неожиданно быстро. Он был ранен в руку, сидел под большой елью, а возле него на корточках сидели два бородача и наперебой что-то ему говорили. Сергею пришлось одного бородатого отодвинуть, чтобы добраться до командира и заговорить с ним. Усталый, раненый человек дико посмотрел на него. Сергей его понимал: тут отряд надо спасти от гибели, а он к нему со своими заботами. Командир ругнулся. В суматохе боя он забыл, что самолет привезет этих двоих. Человек, который должен был проводить их до группы Потапа, был убит. Командир предложил Сергею отходить вместе с ними или лететь назад, но Сергей потребовал проводника. Он имел право требовать даже в такой обстановке — у него было задание.

Они услышали взлет самолета, и командир как-то весь посветлел, плечи расправил, начал подниматься... Раненых отправили, теперь легче. «Отходить!» Сергей загородил ему дорогу. Он понимал, что еще десять-пятнадцать минут, и будет поздно. Командир рассвирепел, закричал на него, тогда Сергей закричал на командира, и тот обмяк, махнул здоровой рукой и сказал, что все равно им через немцев не пройти.

— Надо, — сказал Сергей.

Привели какого-то высокого человека, командир приказал ему проводить этих двоих до Сотникова бора, а потом догонять отряд. Высокий замахал руками.

— Да вы шо? Туда идти два дня самое мало! И где я вас искать буду потом?

— На старой базе, куда летом муку возил. Все!

Командир отвернулся от него и поспешно пожал Сергею руку.

— Ну, ни пуха... Кто ж виноват, что так...

Он покачал головой и быстро пошел прочь. Бородачи подхватили автоматы и зашагали за ним.

Высокий в сердцах сплюнул, быстро огляделся, прислушиваясь к движению стрельбы, и вдруг побежал, крикнув на ходу:

— Айдайте сюда!

Сергей рванулся за ним, и веревка чуть не сбила с ног Лешку. Он, оказывается, все это время продолжал держаться за нее. В темноте Сергей не видел его лица.

Через чащобу они пробрались к какой-то не то яме, не то овражине, спустились в нее, и высокий сказал шепотом:

— Ляжьте тут. Переждем.

Сергей лег на землю, притянул к себе Лешку, и высокий торопливо накидал на них листья. Сквозь стрельбу Сергей еще слышал шаги высокого и какое-то шевеление, потом тот затих. «Не удрал бы», — подумал Сергей. Все шло не так, как надо, исправить ничего нельзя было, и будущее казалось все более неясным, а размер опасности сразу вырос. Он подумал, что не надо было садиться. В конце концов, можно было завтра рискнуть и прыгнуть с парашютами прямо на группу Потапа, в Сотников бор. Зря сели в это пекло. Но тут он вспомнил раненых, перегруженный ими самолет и подумал, что ничего другого не оставалось.

Стрельба продолжалась еще около часа и вот теперь сразу оборвалась. Удалось ли партизанам оторваться от фашистов?

Стало очень тихо, Сергей потрогал Лешку за плечо и вспомнил, что с того момента, как вылетели из Ленинграда, Лешка не сказал ни слова.

— Ты спишь, что ли? — тихо спросил Сергей.

— Нет.

— Поспи.

Лешка не ответил. Сергей поерзал, приподнял голову и негромко посвистал. Лешка вздрогнул. Неожиданно близко раздался голос высокого:

— Лежите вы! До свету переждем.

Сергей устроился поудобней, осторожно протянул руку, нашел Лешкино лицо и прижал пальцем кончик его носа.

— Спи давай.

Лешка слабо кивнул. Под листьями было тепло. В лесу стояла плотная ночная тишина.

11

Лешка проснулся от страшного шума. Он сдержался, чтобы не вскочить, и сделал так, как его учил Сергей: замер, не открывая глаз и вслушиваясь. Он вспомнил вчерашнее и только тогда сообразил, что это за шум. Листья. Сергей встал, и листья с шорохом потекли на Лешку. Он открыл глаза и приподнял голову, сбрасывая ворох листвы. Холодный воздух остудил лицо.

Среди черных деревьев серело небо. В сумеречном свете стояли Сергей и тот, вчерашний. Снизу, с земли, ноги их были видны четко, а фигуры расплывались в тумане, висевшем над кустарником. В лесу было очень тихо, ни одна ветка не шевелилась. Листья пахли сухо и горьковато, а от тумана тянуло сыростью. Так покойно было в неподвижном лесу, что вчерашнее: стрельба, костры у самолета, крики, и суeta, и бегущие по лесу люди — все это вспоминалось как далекое и случившееся не здесь и даже не с ним, а с кем-то другим. Он разбросал листву и поднялся. Сергей обернулся, посмотрел на него и продолжал негромко говорить с высоким. Тот был в драном ватнике и старой ушанке.

На ногах немецкие сапоги. И немецкий пояс перетягивал ватник. На плече висела немецкая винтовка. Лешка вспомнил, какие красивые патроны для этой винтовки: гильза и капсюль залиты зеленоватым лаком.

Лицо у высокого было хмурое, серое, небритое. Он говорил что-то Сергею и смотрел в землю. Сергей, то есть Сергуня, выглядел не лучше. Последние дней десять он не брился — на подбородке и скулах курчавились светлые волоски, и лицо было неопрятным. Из-под картуза торчали отросшие патлы. И пальто на нем было надето чужое — короткое, руки торчат из рукавов, и в заплатах — Лешка сам их пришивал, потому что Сергуня-то шить не может, он дурачок. Стеганные ватные брюки были у него заправлены в кирзовые сапоги. За спиной висел тощий мешок с веревочными лямками.

— Ну пошли, — сказал Лешке Сергуня. Он был как будто спокоен, но Лешка-то видел, как он озабочен, и понял, что завтрак будет не скоро. Лешка проглотил слюну. У него в кармане лежал кусок потрясающего хлеба — не ленинградского, нет! Домашней выпечки, серый, чуть ли не белый, пахучий, с корочкой... А в мешке у Сергуни целая буханка такого хлеба, четыре луковичи, несколько картошек и, главное, большой кусок сала. Сала! Не каких-нибудь «жиров»!

Высокий — Сергуня сказал, что зовут его Матвей, — зашагал по лесу, а они с Сергуней пошли за ним метрах в двадцати.

У Лешки, когда он проснулся, зубы стучали от озноба, его трясло всего, словно он промерз до костей. Прошли немного, Лешка согрелся и перестал дрожать.

Пасмурное холодное небо понемногу светлело. От дыхания шел пар. Лес был густой, но высокий, свободный внизу, идти было легко. Лешка попробовал сориентироваться: самая светлая часть неба справа, там желтизна проглядывает в облаках, значит, идут они приблизительно на север.

Матвей шел быстро, но часто останавливался, замирал, наклонял голову и слушал. Лес молчал. Только стайка синиц попискивала в ветвях ели. Лешка задержался, следя за зеленой верткой синицей. Когда-то он столько думал о ней, теперь ему не до синиц.

Он подался влево, обходя поваленное дерево, пере-

лез через трухлявую валежину — и его отшатнуло: в валежнике, прижавшись к земле, лежал человек!

Враз покрывшись холодным потом, Лешка быстро посмотрел вправо. Сергуня был впереди, вот он на ходу обернулся, увидел Лешкино лицо... Он сразу пригнулся, бесшумно подбежал, посмотрел, куда показывал Лешка. Потом выпрямился и негромко засвистел, подзывая Матвея.

Это был убитый партизан. Лешка подошел ближе, когда его переворачивали на спину. Молодой, может, одних лет с Сергуней. На шее намотан длинный серый шарф. На ватнике спереди дыры и клочья ваты, почерневшие от крови.

— Из осиповских, первая рота, — сказал Матвей, — не знаю, как звать.

Он обыскал мертвого, нашел только кисет и пачку бумаги для курева, да обойму с тремя патронами от нашей винтовки. Сама винтовка лежала в стороне.

Сергуня осмотрелся.

— Лопату бы... — сказал он.

— Ха! — Матвей дернул головой. — Тут всех не схоронишь. Нужна? — он кивнул Сергуне на винтовку.

— Нет.

— Не знаю, брать ли, нет... — Матвей нерешительно потрогал винтовку носком сапога, потом перешагнул ее и зашагал в лес.

Когда отошли немного, Лешка вдруг почувствовал, как холодеет у него лоб и темнеет в глазах. В ушах зазвенело, он понял, что сейчас упадет. Он прислонился к дереву грудью, прижался лицом к шершавой коре.

— Леша... — позвал Сергуня.

— Иду, — выдавил Лешка и отлепился от дерева. Было уже полегче, он обошел толстый ствол и побрел вперед.

Он видел столько мертвых за этот блокадный год — и от голода умерших, и убитых при артобстреле... Этот тоже убит немцами, но какой-то он не такой убитый. Разница, наверно, в том, что те умирали как бы случайно — снаряд летит за десятки километров, и неизвестно, где упадет. А в этого человека целились. Лешка ощутил тот ужас, когда бежишь, а ствол автомата движется за тобой, и не спрятаться, и пули сейчас полетят неотвратно... Конечно, он ничего подобного раньше не испытывал, но вот через мертвого как бы испытал.

И еще он почувствовал: ведь это здесь его убили немцы всего несколько часов назад, здесь они шли, где Лешка идет, и, может, совсем недалеко они сейчас, может, даже следят за ними!..

Лешка догнал Сергуню, он старался теперь идти как можно ближе и натывался на него, сбивался с шага. Сергуня раз оглянулся, второй, потом остановился и внимательно посмотрел на него. И вдруг протянул ему ладонь.

— Сожми!

Лешка неуверенно пожал его руку.

— Сильней!

Лешка сжал что есть сил. Сергуня скривился, замахал рукой, подул на нее и выпучил глаза на Лешку.

— Так руку сломать можно! Ты что?!

Сергей улыбнулся.

— Потопали. Привал скоро.

И странное дело — Лешка успокоился и даже повеселел.

Привал сделали, когда лес впереди поредел и в просветах стало видно желтое поле. Расположившись в мелколесье, не выходя на открытое место, Сергуня отрезал всем хлеба и сала, Лешка достал из кармана соль, завернутую в тряпочку. Матвей ел жадно и молчал.

— Сколько еще идти? — спросил его Сергуня.

Тот только рукой махнул.

Рожь на поле стояла несжатая, поникшая от дождей. Они обогнули поле по краю и снова углубились в лес. Потом лежали в кустах у лесной дороги. Она была пуста. Выждали немного и перебежали через нее.

Матвей все время молчал, говорил только необходимое и становился все мрачней. Лешка устал. Обут он был в кожаные ботинки, поношенные, но прочные. В Ленинграде он в них ходил несколько дней — и ничего, а тут носки стали сбиваться и тереть. Пришлось переобуться.

И опять хотелось есть.

Лес пошел сырой, мелкий, попадались болотца, где приходилось прыгать с кочки на кочку. Раньше-то шли по тропам или просекам, а тут идти стало нелегко. Лешка отставал, Сергуня дождался его, а Матвей все чаще скрывался из виду. Наконец выбрались на высокое сухое место, поросшее соснами. Лешка как вылез наверх, так и упал на сухую хвою.

- Отдохнем, — сказал Матвею Сергуня.
- Тут с километр — шоссейка, — сказал Матвей.
- Переходить надо?
- А то!

Лешка свернулся калачиком. Он был одет во взрослый пиджак, перешитый по нему в плечах. Пиджак был подбит заячьими шкурками и грел здорово. Лешка незаметно заснул. Проснулся оттого, что его тронули за плечо. Приподнялся, но тут же рука Сергуни прижала его к земле.

— Тсс...

Они лежали наверху гривы заросшего лесом холма. Впереди была низина с кустарником и редкими осинами, и оттуда доносилось урчание мотора. Лешка легко различал машины по звуку — это был грузовик. Он не сразу понял, почему так напряжен Сергуня и зачем Матвей ползет в сторону. Ну грузовик и грузовик! Только когда мотор смолк и стали слышны голоса — незнакомые, никогда не слышанные голоса, — он испугался. Немцы! Он помнил, как разговаривал Сергуня с эсэсовцем, помнил кое-что из своих занятий немецким — перед самой войной к ним домой ходила учительница и учила Лешку немецкому языку. Но этот язык был непохожим — говорили коротко, с паузами, перебрасывались отрывистыми фразами. Посмеивались... Застучал топор. Затрещало падающее дерево. Опять стучал топор. Потом голоса стали гуще, стукнул борт грузовика, и мотор снова заработал. Слышно было, как поехала машина, как постукивали борта и хлестали по ним кусты. Потом ничего не стало слышно. И тут Лешка подумал, что ведь нашей машины здесь быть не может. Любая машина — это значит немцы. И хотя не было холодно и лежать было хорошо, стало неудобно и захотелось домой, в Ленинград. Пусть идет артобстрел, пусть голод, но можно затопить печурку, и сидеть возле нее, и слушать стук ходиков. И все звуки за окном: трамвай прогремел, машина проехала, разговаривают во дворе, хлопнула дверь — все звуки наши, не вражеские.

Матвей повел их в обход того места, где немцы срубили дерево. Дорогу перешли в сумерках. Перед этим долго лежали в кустах. Здесь и поели. Проехали по дороге две телеги, на одной ехал старик, на другой — женщина. Потом промчались одиннадцать мотоциклов

с колясками — немцы были в пилотках, без касок, ехали спокойно, по сторонам не глядели. Больше никого они на дороге не увидели.

Лешка плохо помнил, как они добрались до стога на лесной поляне, как забрались в него. Он уснул сразу.

12

Сергея беспокоил Матвей. С самого начала видно было его нежелание выполнить приказ командира и вести их в Сотников бор. Однако он вел. Но чем больше становилось расстояние между командиром и Матвеем, тем, конечно, сомнительней делалась сила приказа. И Сергей внимательно следил за Матвеем. Тот вывел их из леса на приречную луговину, опустился на траву и сказал, мотнув головой:

— Пришли.

Впереди темнел лесной остров, а за ним тянулся по горизонту сплошной лес.

— Сотников бор, что ли? — спросил Сергей.

— Ну.

Сергей представил себе карту этого места, он ее помнил до мельчайших подробностей.

— А Веригово в какой стороне? — спросил он.

Матвей показал правильно.

— А Кропшино, значит, туда? — Сергей для проверки показал совсем в другую сторону.

— Не. Во-он, от бора влево, и там трактом километров пять будет.

Все правильно, Матвей не обманывал. Перед ними был Сотников бор.

— Ну, спасибо тебе, — Сергей протянул Матвею руку, тот поглядел на нее и вяло пожал. — Тебе далеко до базы идти?

Матвей вдруг вскочил и взмахнул руками.

— Три дня топать! Понял ты? Три дня! Да по открытому, да два моста! Мосты я как перейду? По воздуху? С этим...

Он пнул ногой свою винтовку, отвернулся и шумно выдохнул воздух.

— А ты чего в партизаны пошел? — резко сказал Сергей. — Руками махать? Наше дело одно — приказы выполнять. Или не так?

— Да так! Что я, не понимаю? Но на мостах-то лицаи стоят, вот чего.

— Лодку ищи. Ночью — на бревне... Не мне тебя учить.

— Ладно, — Матвей опустил голову, — чего плакать заране. Пойду.

Он закинул винтовку за спину, и Сергей тихо сказал:

— Мы ведь тоже не в гости к бабушке.

Матвей вдруг засмеялся, посмотрел на Лешку и Сергея и покачал головой.

— Да-а... Жили не тужили, а тут... В своих же лесах как волки шастаем. Ну, бывайте. Ни пуха вам.

— К черту! И тебе того же.

Они смотрели ему вслед, пока он не скрылся в мелколесье.

До бора дошли засветло. Сергей сориентировался: от юго-восточной оконечности бора, от того места, где тихая речушка делает изгиб, в полутора километрах в направлении на северо-запад должна быть просека. Столб, отмечающий угол восьмого лесного квартала, — главный ориентир.

Места были пустынные, за весь день они никого не встретили, видели только трех женщин, косивших на том берегу.

Вышли на просеку. Лешка еле шел. Он уже не пытался скрывать, насколько устал. Но до землянки Потапа оставались какие-то сотни метров, и Сергей не останавливался. Через полчаса они улягутся на лапнике, и будет горячая еда, отдых, сон. И связь с Центром. Надо сообщить о неудачной высадке и о том, что до места все же добрались.

Столбик с номером 8 нашли неожиданно легко — на нем был свежий затес, заметный издали.

Сергей усадил Лешку под разлапистую ель и наказал никуда не двигаться. А сам, определив направление, быстро пошел в глубь леса. Через каждые двадцать шагов он покрикивал сойкой. Крик этот громкий, довольно противный, но вполне обычный в таком лесу. Условного ответа не было. Землянка надежно замаскирована, но охранение у них должно быть постоянное, а если группа куда-нибудь переместилась, то кого-то должны оставить. О вылете им сообщили, они ждут. Сергей остановился и снова прокричал сойкой. Тишина, только вершины елей шумят под ветром. Сергей

стоял, наклонив голову, и слушал. В хвое под ногами блеснуло что-то. Он нагнулся. Гильза! Еще и еще! Целая россыпь. Немецкие автоматные гильзы. «Все! Засада!» — подумал он. Он стоял нагнувшись и ждал, что сейчас из-за деревьев раздастся короткий окрик... Или просто очередь? Нет, будут брать живым. А Лешка?! Сергей медленно разогнулся и посмотрел по сторонам. Потом сделал шаг вперед. Перед ним была небольшая прогалина, заросшая по краю орешником. Он взгляделся. Перебитые ветки, сбитые на землю зеленые листья. Стреляли туда. А теперь притаились и ждут? Вряд ли. А, была не была!

Сергей вышел на прогалину, и ему открылся развороченный взрывом лаз в землянку. Он опустился на колени, заглянул вниз и спрыгнул в яму. Потолок частично обрушился, засыпав нары. Грубо сколоченный столик иссечен осколками. На нем, верно, стояла рация. Обрывки бумаги, смятый котелок... Сергей представил Мишу Панова, как он сидит на этих нарах и ест из котелка кашу. Спокойный, добродушный парень и верный товарищ — Миша Панов по кличке Потап.

С шорохом осыпалась земля, поползла ручейком. Да, произошло это совсем недавно, может быть, сегодня утром. Третьего дня Потап выходил на связь — все было в порядке.

Сергей еще раз осмотрелся. В дальнем углу он увидел автомат ППШ с исковерканной ложей. Вытащил диск, открыл его. Не больше десятка патронов оставалось там. Значит, отстреливались, значит, у них было время оставить для него сообщение о самом важном. Например, где взрывчатка. Если бы они хранили ее здесь, после взрыва гранаты от этого места вообще ничего бы не осталось. Взрывчатка спрятана где-нибудь в лесу.

Как это могло произойти? Случайность? А что делать немцам в глухом бору? Партизан здесь нет, место спокойное, немцы леса не прочесывают...

Размышляя, Сергей внимательно осматривал землянку, пазы между жердями, укреплявшими стены. От взрыва жерди расползлись, повывадали. А это что? Из рыхлой земли между двумя жердями торчал конец металлической ложки. Сергей осторожно потянул ее. На ручке было выбито «Миша». Еще в училище была у Потапа эта ложка из нержавеющей стали. Сергей вытя-

нул ее всю, и вместе с землей выпала свернутая в трубочку бумага.

Коряво, торопливо было написано карандашом: «Окружены. Внезапно. Кто предал? Предлагают сдать-ся. Прощайте, товарищи. Потап».

Сергей порывлся в стене. Там больше ничего не было. Ни слова о взрывчатке. Не успел о ней подумать Миша Панов, другое его мучило в последние минуты: «Кто предал?»

Так, теперь предстоит выйти отсюда. Если засада все-таки есть, то сейчас наверху уже бесшумно подошли к лазу и ждут его. И тогда бессмысленно заставлять их ждать долго.

Сергей подтянулся и вылез наружу.

Никого. Тихо. На этот раз повезло. Но радоваться нечему. Группа уничтожена. Рации нет. Взрывчатки тоже.

Сергей медленно возвращался к тому месту, где оставил Лешку. Что делать дальше? Поблизости лесной кордон. Это запасная явка. Обосноваться там, начать выяснять обстановку в Кропшине? Нет. Во-первых, явка запасная, на крайний случай. Во-вторых, появиться им двоим на малолюдном кордоне опасней, чем в большой деревне, в гуще немцев. Чем нахальней и безрассудней, с точки зрения разведчика, они будут действовать, тем больше шансов на успех. В этом Сергей был убежден. Явка в Кропшине считается надежной, но ее надо подготовить.

Засело в голове это «Кто предал?». Если бы немцев навел на землянку кто-то из самой группы, Потап бы это узнал в последний момент и написал бы. Да и все четверо были надежные ребята. С кем группа имела связь? Явку на кордоне они, кажется, не трогали. Проверяли только кропшинскую явку ветеринара Гаврина. Значит...

Но Гаврин — это основное звено операции. Только используя эту явку, можно подобраться к школе, к хозяйству Краузе. Значит, остается либо отказаться от всего плана, либо рискнуть и прийти к ветеринару. Отказаться от плана нельзя, потому что другого нет. Но если он выдал Потапа?

Лешка спал, свернувшись у основания ели. Сергей тихо подошел вплотную к нему. Лешка не просыпался.

«Да, Алеша, попали мы с тобой в переплет!»

Сергея снова охватила жалость к мальчику.

Взять бы его сейчас в охапку, унести в глухую деревушку, есть тут такие, где ни немцев, ни полицаев, отдать какой-нибудь доброй бабке, и пусть живет там до победы. Не детское дело эта чертова война!

Но что Сергей сможет без него? В кармане лежит справка, выданная психдиспансером города Гдова, удостоверяющая его, Сергея, полную от рождения невменяемость. Только племянник Лешка мог привести его сюда, за сотни километров, к дальнему родственнику Григорию Гаврину, шурина Сергеева брата. Один, без Лешки, он сможет просуществовать в качестве дурачка до первой проверки документов. Нет, без Лешки ему не добраться до Житухина, до его станков и машин, печатающих фальшивые карточки для Ленинграда.

Лешка не шевелился, но дыхание у него вдруг изменилось.

— Это я, — сказал Сергей.

Лешка повернулся и открыл глаза...

— Если проснулся и слушаешь, — сказал Сергей, — дыхание не затаивай, дыши глубоко, громко, а то сразу видно, что притаился.

— Я постараюсь... Ну что, дядя Сергей?

— Да все в порядке. Все идет, как и планировали. Эту ночь переночуем в лесу. Верней, ты будешь спать один. Я сейчас пойду в Кропшино, проведу твоего троюродного дядю.

— А я как же?!

— Я сейчас устрою тебе отличный шалаш, и будешь спать за милую душу. Я часа через три приду. Ветеринара надо же предупредить, что мы появимся, иначе он нас не узнает.

Лешка насупился, отвернулся.

— Вот что, Леша. Начинается настоящая работа, когда приказы не обсуждаются. Даже если тебе приказ непонятен, ты должен его спокойно выполнять. А сейчас давай делать шалаш. Лес тут спокойный. Никого нет. Зверье тоже мирное — белки, зайцы... Зайца не боишься?

Когда поставили неприметный шалашик и Лешка залез в него, Сергей присел рядом на корточки и как можно спокойней заговорил:

— Есть такое правило в нашей работе: если двое расстанутся, то назначают контрольный срок на случай,

если что-то, ну, скажем, изменится и один не сможет прийти на встречу вовремя. Мы с тобой тоже обязаны такой срок назначить, хотя особой необходимости и нет.

Мальчик затих в своем гнезде и слушал настороженно.

— Я приду часа через три-четыре. Но допустим, ты просыпаешься утром, а меня еще нет. В этом случае ты ждешь меня приблизительно до полудня, никуда не сходя с места. Но потом тебе надо отсюда уйти. Выйдешь к тому месту, где река делает изгиб, и пойдешь влево берегом до деревни Сухово. Там попросишься к кому-нибудь, лучше к одинокой старой женщине, расскажешь свою запасную версию, что ты из Гдова, разыскиваешь сестру матери Евдокию Кашину, тетю Дуню. А твои все погибли...

— Да я помню! Почему ты не придешь? Лучше я с тобой пойду!

— Не приду — значит, что-то изменилось и мне нельзя прийти. В Кропшино ни в коем случае не ходи и меня не разыскивай. Только в Сухово. Попросишь приютить тебя, устроишься и будешь ждать, пока я не появлюсь. Это приказ. Понимаешь?

— Да, — прошептал Лешка, — Сергуня, ты осторожней иди... А я спать все равно не буду.

— Ладно. Но пока мне рано идти, ты можешь подремать.

Сергей прилег возле шалаша, делая вид, что не торопится. Лешка повозился и быстро затих. Сергей прислушался — мальчик спал. Тогда он осторожно положил в шалаш свой мешок, бесшумно поднялся и пошел к просеке.

«КРОПШИНО,
28 октября 1942 г.

Сов. секретно
экземпляр ед.
объект 457/21

Мною, майором Краузе, выдано денежное вознаграждение в сумме 200 (двухсот) рейхсмарок осведомителю «Сирень» за представление ценных сведений о дислоцировании диверсионной группы противника. Информация подтвердилась полностью. Проведенной

акцией группа ликвидирована 27.X.42, в 16 часов. Захвачено: рация типа «Север», три автомата русского производства. Пленных нет.

Подпись».

На обороте от руки по-русски:

«Расписка.

Я, «Сирень», получил от господина майора 200 (двести) рейхсмарок.

28 окт. 42 года.

Сирень».

13

Лешка проснулся, когда солнце было уже высоко. Лучи его били сверху и в глубь шалаша не попадали. Они нагрели ноги так, что ботинки были горячие.

Лешка поспешно выбрался из шалаша. Сергуня лежал невдалеке на лапнике. Услышав Лешку, он поднял голову.

Лешка и обрадовался и удивился. Он всегда безошибочно чувствовал, например, в темной квартире или в подъезде, есть кто-нибудь или пусто. А тут не почувствовал Сергуню! Может быть, потому, что в лесу? Или он сильно устал вчера — поэтому?

Сергуня сказал, что в Кропшине все в порядке и часа через два они пойдут туда. Еще он сказал, что немцев там много.

День был ясный, но довольно холодный. Была середина осени, и лес стоял расцвеченный красками, тихий, опадающий.

В мешке у Сергуни была кружка, он взял ее и ушел искать воду, наказав Лешке развести у комля елки маленький костер и печь картошку. Леша занялся костром и не заметил, как пролетело время. Он обернулся на шорох шагов.

Сергуня шел медленно, держа кружку в ладонях. Склонив голову набок, он пристально смотрел в кружку, словно там что-то плавало. Губы его шевелились.

— Чего там? — спросил Лешка.

Сергуня не ответил, нагнулся, поставил кружку на

землю, потом лег на спину и закрыл ладонью лицо. От солнца, что ли?

— Уже спеклись, наверно, — сказал Лешка, — можно есть.

Сергуня не шевелился.

— А ты там попил? — спросил Лешка, беря кружку.

Сергуня повернулся и посмотрел на Лешку. Но это не был взгляд, лицо его повернулось к Лешке, но глаза были пусты и смотрели сквозь Лешку, как у слепого. Сергуня медленно облизал губы и лег на живот, прижавшись щекой к земле. Пальцы его все время шевелились, он теребил какой-то прутик.

— Ты что? — прошептал Лешка.

И тут он понял, что пришло время, и Сергей стал дурачком Сергуней. Лешке сделалось тоскливо и одиноко, когда он подумал, что, наверно, уже никогда не сможет разговаривать с Сергуней, не услышит от него ни шутки, ни приказа, никогда уже тот не скажет, что и как надо делать. Не улыбнется ободряюще. Не подмигнет. И Лешка почувствовал, что он совсем один на этой поляне.

— Пожалуйста, не надо... — тихо сказал он, — еще же нет никого...

Сергуня пошевелился, медленно поднялся, подошел к кострищу и присел, вытянув руки над углями. Он пошевелил пальцами и забормотал что-то про себя, слов было не понять, он бормотал какую-то песню, почти без мелодии, унылую, нескончаемую...

Лешка отвернулся, по щекам его потекли слезы. Он всхлипнул судорожно, вытер лицо кулаком. Что же делать теперь, ну что делать?! Надо же, наверно, идти в деревню... А когда? Может быть, Сергуня хоть как-нибудь даст понять, что пора? И как лучше идти — по дороге или прокрасться через огороды? И Лешка почувствовал, как на него тяжело наваливается ответственность. Теперь он все должен решать сам. И думать надо не только о себе — еще и о Сергуне. О нем же надо заботиться, кормить его...

Лешка встал. Слез уже не было. Вопросы больше не наваливались всем скопом. Сначала надо накормить его. И поесть самому.

Палочкой он выкатил из кострища спекшиеся картошины. Три подвинул Сергуне, две — себе.

— Давай поедим, — сказал он. — Тебе очистить?

Сергуня не ответил, просто взял картошину, макнул в соль, развернутую Лешкой, и принялся есть, не очистив. Правильно: обугленная кожа вкусная, кроме того, так сытней. Лешка съел свою долю, запил водой. Сергуня третью картофелину не взял — отвалился от костра, лег на спину.

— Ешь, — сказал Лешка, — я уже сыт.

Сергуня смотрел вверх, на вершины деревьев. Лешка разломил картофелину, протянул ему половину.

— Я правда сыт. Ешь!

Но Сергуня вяло оттолкнул его руку и отвернулся. Лешка доел все, размышляя, как быть дальше. Потом он затоптал костер, взял Сергунин мешок и протянул ему.

— Нам пора идти?

Сергуня не ответил, взял мешок, стал его теребить, глядя остановившимися глазами в сторону. И Лешка рассердился. Зачем сейчас-то эта игра? Мог бы хоть слово сказать!

— Пошли!

Он зашагал прочь от костра, не посмотрев на Сергуню. Отойдя шагов на пятьдесят, Лешка обернулся. Сергуня шел за ним. Но куда идти? Где Кропшино? Карту окрестностей Кропшина он учил наизусть, сейчас ему нетрудно было ее вспомнить. Но где они находятся? Пока шли сюда, Лешка полагался на Сергуню и не старался замечать дорогу. Он помнил только, что пришли они прямо с юга. Потом этот изгиб реки у края леса... Сухово должно быть вон в той стороне. Ага, значит, они недалеко от южного края бора, а Кропшино должно быть влево километрах в пяти. Надо идти на запад. Или не совсем на запад? Конечно, можно было сказать Сергуне, что он не знает дороги, и пусть тот перестанет притворяться, но Лешка был на Сергуню сердит, да и не хотелось обнаруживать слабость. Ничего, сам найдет выход. Надо скорей выйти из леса, найти дорогу со столбами, и тогда все будет ясно. А то в лесу проплутаешь!

Лешка круто свернул влево и покосился на Сергуню. Тот шел сзади и бормотал что-то, наверно, опять пел. Хорошо устроился, никаких у него забот! Тут Лешка немного устыдился: Сергуня ведь только притворяется, на самом-то деле он все понимает, и если Лешка что-нибудь сделает не так, он его поправит. А мо-

жет, он уже так замаскировался, что и поправлять не будет? Одно только ясно: не надо на него рассчитывать, надо решать самому. И от этой мысли Лешка почувствовал себя совсем взрослым и сильным, и усталости больше не было. Лешка знал, что он теперь главный в их группе, и лицо у него стало строгим, он сурово сдвинул брови, а к Сергуне оборачивался нетерпеливо и смотрел на него с подчеркнутой досадой — что, мол, плетешься?

Скоро вышли из леса, а там, за лугом, виднелись телеграфные столбы. Лешка взял круто вправо и краем леса пошел к дороге. Он уже решил, что войти в Кропшино надо будет по дороге. Раз они идут из Гдова к своему родственнику и собираются у него жить, то прятаться нельзя, только подозрения вызовешь. -

Лешка шел и повторял в уме все, что надо будет говорить Гаврину или объяснять немцам, когда те их остановят. Он вспоминал свою прежнюю — придуманную — жизнь в Гдове, родных, убитых бомбой. Эти люди когда-то жили в действительности, только Лешка их никогда не видел и сейчас пытался представить, какие они были.

Вышли на дорогу, и Лешка сразу увидел грузовик, который вывернул из-за леса и ехал им навстречу. Немцы! Лешка вспомнил эсэсовского капитана и подумал, а вдруг он убежал от наших и как раз сейчас едет в кабине этого грузовика! Лешка посмотрел на Сергуню. Идет, бормочет, будто грузовика и не видит. Если бы была настоящая опасность, он бы дал знать. Но как он сможет дать знать при немцах? Сделает знак, а они его сразу и распознают. Все надо самому.

Лешка шел по дороге навстречу грузовику. Вот он уже близко, в кабине видны три человека. Тупой нос машины... Вот уже рядом! Лешка поспешно опустил глаза, будто споткнулся и смотрит — обо что.

Грузовик проехал.

Значит, ничего подозрительного немцы в них не заметили. И Лешка зашагал бодрей.

Они шли больше часа по пустой дороге. Перешли мостик через речушку. Никаких полицаев на мосту не было. Трус этот Матвей. А еще с винтовкой!

Поднялись на взгорок и сразу увидели Кропшино. Большая деревня раскинулась на холмистом берегу реки. Много дворов, а за березовой рощицей на самом

высоком месте — двухэтажное здание. Это, наверно, и есть школа. Между домами мелькают фигурки людей. Телега проехала. Ветер доносит лай собак.

Телега дребезжит, но не в деревне — за спиной. За горкой ее не видно. Немцы в телеге не поедут, Сергуня идет спокойно, правда, все время шел сзади, а сейчас совсем рядом идет.

Стук колес сразу стал громче, и Лешка обернулся. Их нагоняла телега, запряженная парой лошадей. И двое людей сидели в ней. Лешка увидел красную с черным повязку на рукаве у одного и торчащий из телеги ствол карабина. Он еще ничего не успел сообразить, а телега была уже рядом, и лошади вскинули головы, потому что вожжи натянулись.

— Кто такие? — спросил человек с повязкой. У него было широкое лицо с черными, аккуратно подстриженными усиками. Он смотрел на Сергуню. Лешка тоже посмотрел на Сергуню, чувствуя, как слабеют и начинают дрожать ноги. А Сергуня стоял, наклонив голову набок, и разглядывал лошадей. Губы его шевелились, он бормотал.

— Чего бормочешь? — нахмурился усатый и слез с телеги, передав вожжи второму, молодому, со смуглым худым лицом.

Лешка пришел в себя.

— Он не понимает ничего, — торопясь заговорил он, — всегда такой был, дурачок, его Сергуня зовут!

— Вы откуда здесь? — усатый по-прежнему обращался к Сергуне.

Сергуня взглянул на него и замычал, растягивая рот в улыбке. Он шевелил растопыренными пальцами, показывая на лошадей.

— Мы из Гдова идем, — сказал Лешка, почему-то стараясь встать перед Сергуней и загородить его.

— Из Гдо-о-ва-а? — усатый быстро посмотрел на смуглого, и тот приподнял брови. — И куда же вы идете? — Усатый все приглядывался к Сергуне.

— Мы в Кропшино идем. Это Кропшино, да? — тараторил Лешка. — Мы вон сколько дней шли, у нас тут родственник, а маму с сестрой бомбой убило, мы и пошли. У нас документы есть, мне не дали, я маленький, а у Сергуни...

Лешка срывающимися пальцами расстегнул на Сергуне пальто и достал из его кармана две бумажки. По-

лицай взял их и долго рассматривал. Потом сунул себе в карман и подошел к Сергуне.

— Ну-ка, что ты за псих, малый, дай-ка погляжу...

Он просунул руки под пальто Сергуне и ощупал его, брезгливо отворачивая лицо. Потом прощупал мешок. Сергуня мычал и испуганно отстранялся. Полицай вдруг щелкнул пальцами перед его лицом. Сергуня отпрянул и оступился. Он что-то очень быстро забормотал, неуклюже выставляя перед собой руки.

— Ладно, не шевутись, — сказал полицай и посмотрел на смуглого. — Видал — психов нам только не хватало.

Он впервые посмотрел на Лешку и поманил его. Лешка подошел.

— И кто же у вас тут родственник?

— Дядя Гриша. Гаврин.

— Ну? — полицай удивленно переглянулся со смуглым. — А тут и нет такого.

Лешка похолодел. Неужели какая-то ошибка? Тогда — все...

Полицай больно ухватил Лешку за ухо и притянул к себе.

— А ну говори, куда идете! Правду, правду говори!

Но тут Сергуня вдруг тонко и как-то визгливо закричал, схватил Лешку сзади за плечи и потянул к себе. А полицай держал его за ухо и отпустил не сразу. Со всем растерявшись от боли, не зная, что теперь делать, Лешка услышал, как Сергуня громко и неразборчиво говорит, прижимая Лешку к себе.

— Ну, тихо ты, разорался! — прикрикнул полицай.

И одновременно Лешка услышал, как Сергуня еле слышно шепнул: «Врут!..» И Лешка сразу вспомнил, что Сергуня ходил же ночью на встречу с Гавриным и сказал, что все в порядке. Он вырвался из рук Сергуни и затараторил:

— Да дядя Гриша, он же здесь должен быть, куда ему деться, он ветеринар, он мне дядя, он мамин родственник!..

Полицай молча посмотрел на смуглого и полез на телегу.

— Документы... — прошептал Сергуня над Лешкиным ухом.

— А документы?! — закричал Лешка, бросаясь к телеге. — Дяденька, отдайте!

— Полезайте сюда, — сказал полицей, — оба, ну! Лешка полез было на телегу, но увидел, что Сергуня стоит и опять глазеет на лошадей. Он подбежал к нему и потянул за руку.

— Сергуня, идем! Поедем с дядями!

Сергуня безропотно забрался на телегу и сел на сено. За ним и Лешка залез. Смуглый стегнул вожжами лошадей, и телега загромыкала по дороге.

Куда и зачем их везут, Лешка не понимал. Он видел только, что полицаи вроде бы им поверили. А почему документы не отдают? Но все это было уже не так важно. Главное, что Сергуня пришел на помощь в самый трудный момент. Сергуня здесь, с ним, все видит и поможет, когда нужно. Лешка был счастлив! Телега быстро катилась, ветер летел навстречу, и Лешка осторожно нашел в сене руку Сергуни и сжал ее. И тогда Сергуня обнял его, прижал к груди и стал что-то напевать, чуть заметно похлопывая по его руке ладонью. Смуглый обернулся, равнодушно поглядел на них и снова стал смотреть на дорогу.

Въехали в деревню. Лешка сразу увидел двух немецких солдат, они шли по улице и разговаривали. Один нес плетеную корзину с луком. Немцы даже не посмотрели на телегу. Вообще в деревне было довольнолюдно. Люди были и во дворах, и по улице шли. Пробежали двое мальчишек. Женщина шла с полными ведрами.

У Лешки стеснило грудь, как всегда бывало, если он входил в комнату, где много незнакомых людей. Он был застенчив. Вот так же боялся он и не хотел входить, когда мама впервые привела его в школу, во второй класс. Со всех парт смотрели на него, они-то все были знакомы между собой, он один был чужой.

Но сейчас он не один — с ним Сергуня.

Телега остановилась.

— Ветеринар дома? — крикнул усатый.

За забором во дворе стояла высокая женщина с морщинистым, хмурым лицом. Она выбивала половик, развешанный на заборе.

— В школу пошел, — она посмотрела на Лешку и Сергуню без интереса и снова стала выбивать половик.

Выехали на гору, к школе. По дороге Лешка заме-

тил еще нескольких немецких солдат, а в двух дворах стояли мотоциклы, один с пулеметом.

Школьный двор был огорожен глухим дощатым забором. В открытые ворота видны были грузовик, легковая машина и часть здания. У грузовика толпились солдаты. Перед воротами ходил часовой с автоматом.

Полиция поехали не в ворота, а вдоль забора. Обогнули школу. Тут стоял какой-то сарай и на столбиках было укреплено длинное бревно с вбитыми в него сверху подковами. «Лошадей привязывать», — догадался Лешка.

Возле сарая стояла крупная гривастая лошадь с мохнатыми ногами. Ее держал под уздцы немецкий солдат, а рядом стоял человек в кожаном полупальто и что-то делал на лошадиной спине. Наверно, это и был ветеринар. Полицай прыгнул с телеги и поманил его. Тот подошел. В руке у него была щепка с намотанным на ней бинтом.

Усатый, ни слова не говоря, смотрел на ветеринара, а тот недоуменно переводил глаза с него на Сергуню. Лицо у него было очень бледное, веснушчатое, рыжий чуб торчал из-под фуражки. Он отбросил щепку и шагнул к телеге.

— Сергей... Сергуня, что ли?

Сергуня еле заметно толкнул Лешку локтем.

— Дядя Григорий? — Лешка встал в телеге, засуетился. — Мы к вам пришли! Маму убило бомбой и Зину! И дом разрушило!

— А это Лешка никак? — спросил у полицай ветеринар.

— Вам видней, — полицай перестал пристально вглядываться в ветеринара, отвернулся, постукал сапогом о сапог.

— Откуда вы их привезли? — не слишком-то радостно спросил полицай Гаврин, помогая Сергуне слезть с телеги.

— На дороге встретились, — полицай полез в карман, достал Сергунины документы и отдал Гаврину.

— Значит, поубивало там всех, — Гаврин покачал головой. — Этот — зятя моего брат. От рождения тронутый...

Сергуня стоял перед ним, бессмысленно улыбался и трогал кожаное пальто.

— А пацана еще таким видел, — Гаврин показал низко от земли. — Да-а, не ждал, не гадал, а семьей обзавелся.

Ветеринар всячески показывал, что он не рад встрече, и хотя Лешка и догадывался, что так надо, но ему казалось, что ветеринар и на самом деле огорчен, и проникался к нему неприязнью.

— К себе возьмете или как? — спросил усатый.

— Придется. Не выгонишь же...

— У старосты на учет пусть встанут, — усатый залез на телегу, смуглый чмокнул и дернул вожжами.

— Чего тут учитывать! — усмехнулся ветеринар и кивнул отъезжающим: — Ладно, я зайду.

Полиции уехали, и Гаврин сказал, не меняя тона:

— В деревню идите потихоньку. Я догоню.

Он пошел к больной лошади, а Лешка дернул Сергуню за руку, и они пошли назад, вдоль забора.

Когда они проходили мимо ворот, Лешка увидел немецкого офицера, невысокого, довольно полного человека, с короткими пухлыми ручками. Лицо у него было добродушное, какое-то даже наивное, словно готовое в любой момент безмерно удивиться. Он подходил к воротам с другой стороны, рядом с ним шел парень повыше его ростом, в солдатских немецких штанах и сапогах, в ватнике, туго стянутом по узкой талии ремнем. Кепка у него была надвинута по самые брови. Он шел с независимым видом и что-то рассказывал офицеру. В руках парень бережно нес кулек, свернутый из газеты. Из кулька торчал черный птичий хвост. Офицер — Лешка определил, что это майор, — внимательно слушал парня, словно все, что тот говорил, было чрезвычайно интересно для него.

Подойдя к воротам, офицер скользнул взглядом по Сергуне и Лешке, задержался немного, снова внимательно посмотрел на Сергуню и пошел в ворота, поманив парня за собой. Часовой отдал ему честь.

«Ну все! Это Краузе, и он нас распознал!» — подумал Лешка.

Но Сергуня как-то даже весело шел вниз, к деревне, бормотал что-то, вертел головой. Лешка не чувствовал в нем волнения, как это было на дороге, и тоже понемногу успокоился.

Прошло десять дней. Лешка и Сергуня жили в доме у ветеринара. Собственно, дом был не его, а высокой молчаливой старухи Евдокии Ивановны. Гаврин перед войной приехал сюда работать и снимал у Евдокии Ивановны полдома. У него был туберкулез, и в армию его не взяли.

Сергуня и Лешка поселились во времянке — маленьком домике, стоявшем в конце огорода. Во времянке была печка, а в сарае, за домом, полно было березовых поленьев. Лешка должен был сам их колоть, но потом как-то Сергуня стал ему помогать. Лешка противился сначала, но вид дурачка, колющего дрова, никого из деревенских не удивил, и Лешка успокоился.

Сергуня велел Лешке как можно быстрее завести знакомства с местными ребятами и особенно с тем парнем, которого они видели с майором Краузе.

Сам Сергуня никуда не ходил, сидел целыми днями во времянке или возле нее на лавочке. А Лешка рыскал по деревне. Ветеринар с ними общался мало, при хозяйке он всячески показывал, что они для него обуза. А Евдокия Ивановна один раз только расспросила Лешку про родных, узнала, что всех убило при бомбежке, сурово погладила Лешку по голове и больше с ним почти не разговаривала. Однажды только спросила, совсем ли Сергуня тронутый и нельзя ли его научить плести корзины или хотя бы вязать веники. Лешка сказал, что можно попробовать. Плести корзины оказалось Сергуне не под силу, а изготовление веников он осилил. Евдокия Ивановна сказала, что будет продавать их немцам.

Немцев в Кропшине было около роты, пулеметный взвод мотоциклистов и та команда, что помещалась в школе. Команда, очевидно, несла караульную службу в лагере для военнопленных, который находился в лесу километрах в шести-семи от деревни. Каждый день утром и вечером грузовик с солдатами уезжал по дороге в лес и скоро возвращался, но уже с другими солдатами. На эту лесную дорогу немцы никого из местных не пускали.

Все это Лешка узнал от Кольки Козодоя, с которым познакомился в первые же дни. Колька жил через дом

от них. Почему его прозвали Козодоем, Лешка не выяснил. Может, потому, что у них во дворе жила коза?

Колька был на два года младше Лешки, своей компании у него в деревне не было: ребята постарше не принимали его из-за болтливости, а с младшими играть ему было неинтересно. Поэтому он ухватился за знакомство с Лешкой и в первый же день выложил ему все, что знал про свою деревню. От него Лешка узнал, что за два дня до их прихода немцы привезли на подводе четверых убитых и положили их на улице перед бывшим сельсоветом, где теперь сидит староста Шубин. Убитые пролежали весь день. Немцы велели сказать, если кто-нибудь опознает их. Но это были незнакомые люди, и никто не опознал. И тогда немцы велели похоронить их.

Про парня, разговаривавшего с майором, Колька сказал, что зовут его Пашка, что ему шестнадцать лет и он ни с кем не дружит. Пашка очень зазнается, хотя самого его из школы выгнали перед самой войной за неуспеваемость. Теперь он только одним увлекается: пропадает целыми днями в лесу, ловит птиц или стреляет их из рогатки и носит майору Краузе, а тот делает из них чучела. Краузе так по-русски говорит — никогда не поверишь, что немец. И вообще он ничего, не зверствует. Пашке сапоги дал, и штаны, и деньги дает, поэтому все ребята Пашку презирают. Не так, конечно, как предателя Шубина, бывшего продавца сельпо, но все же...

Были в деревне трое ребят старше Кольки и Лешки, которые держались особняком. У них были какие-то свои секреты, и собирались они у речки, далеко от деревни.

Когда-то красноармейцы рыли там окопы, чтобы обороняться, но немцы прорвались в другом месте, и наши отошли, не использовав эти окопы. Ребята устроили в блиндаже свой штаб. Колька пытался за ними подсматривать, но они его отлупили и сказали, что если еще попробует шпионить, то ему будет хуже. А Колька, конечно, не шпионил, просто ему хотелось с ними играть. Главным у них был Женька.

С этим Женькой Лешка и попытался познакомиться. Догнал его на улице, дернул за рукав. Тот резко обернулся.

— Здравствуй! Меня Лешка зовут.

— Ну и что? — Женька смотрел недружелюбно.

— Ну... Я хотел узнать, может, у тебя есть чего-нибудь почитать.

Женька сплюнул и сказал с презрением:

— Нашел время! Читатель...

И ушел.

Пашка был здоровый парень, можно сказать, взрослый, и Лешка боялся с ним знакомиться. Ни отца, ни матери у Пашки не было, он жил с бабкой на самом краю деревни, и в доме у них жили три немецких солдата. Как к Пашке подступиться, Лешка не знал. Несколько раз он прошелся возле их дома, приглядываясь. Во дворе ходила большая лохматая собака с очень толстым пузом — наверно, скоро щенята родятся. И Лешка придумал. На всякий случай взял с собой рогатку и горсть камешков: может, на этой почве найдут общий язык.

Он увидел Пашку, который тащил из леса большую вязанку прутьев, и пошел за ним. Возле своего забора Пашка сбросил вязанку. Тут Лешка и подошел к нему.

— Здорово, — сказал он как можно независимей.

— Привет, — Пашка без всякого интереса поглядел на него.

— На растопку? — с бывалым видом Лешка кивнул на вязанку.

— Ты в дядю, что ли, из придурков?

— Ничего я не из придурков! — Лешка обиделся.

— Кто ж сырыми прутьями топит? Это забор плести, огород делать.

Пашка говорил спокойно и даже дружелюбно, и Лешка осмелел.

— А у тебя собака скоро ощенится? — спросил он.

— Думаю, послезавтра.

— Хотел вот щенка попросить. У нас собаки нет в доме.

— Если пять будет — один твой. Трех я обещал уже.

— Пузо у нее вон какое! — обрадовался Лешка. — Может, и больше будет.

— По пузу судить трудно.

Тут Лешка увидел синицу, прыгающую по веткам яблони за забором. Вот прекрасный случай поразить нового знакомого! Лешка быстро вынул рогатку, заложил камень и выстрелил. Камень сбил сухой листик,

а синица улетела. Пашка с маху дал Лешке подзатыльник.

— Чего она тебе — помешала?

Лешка рассердился.

— А сам ты сколько их майору перетаскал?!

Пашка сильно толкнул Лешку в грудь, тот еле устоял.

— Пошел отсюда... — процедил Пашка.

Лешка попытался и натолкнулся на двух немцев, подходивших к калитке. Они засмеялись, глядя на него, и один стал что-то говорить Лешке. А Пашка, не взглянув на немцев, ушел во двор.

— Ауфвидерзеен, — неожиданно для себя сказал Лешка, пятясь от солдат. Те загоготали.

Да, с ребятами контакты не налаживались. А Сергуня торопил Лешку. Он посоветовал разыскать их блиндаж и познакомиться с ними там.

И вот Лешка как бы невзначай расспросил Кольку, где находятся окопы, тайком от всех рано утром выбрался огородами из деревни, вышел на берег реки и пошел вдоль нее.

Он не сразу нашел это место, оно оказалось километрах в трех от деревни. Сначала попались маленький окопчик, яма с заросшими травой краями. Потом довольно длинный извилистый окоп, потом еще несколько маленьких. Цепь окопов тянулась вдоль реки, а блиндажа все не было. Наверно, он где-нибудь в глубине, не на самой передней линии. За окопами над лугом торчал бугор, поросший кустами. Лешка решил забраться на него и оглядеться. Сверху он сразу увидел вход в блиндаж и стал спускаться по крутизне. Склон был песчаный, грунт оползал под ногами... Вдруг подошвы скребнули по чему-то твердому. Под слоем песка обнажились зеленые доски. Лешка повозился немного и приподнял сбитую из досок крышку, видимо от какого-то немецкого ящика. Крышка прикрывала довольно глубокую яму, в которой были уложены длинные свертки из мешковины. Лешка потрогал верхний и испуганно отдернул руку. Он поспешно огляделся — вокруг не было ни души. Первой мыслью было скорей засыпать крышку песком и бежать отсюда. Но кого бояться? Вряд ли это немцы спрятали здесь оружие. Конечно, это Женька и ребята! А может, и они об этой яме не знают, тогда Лешка нашел первым и может рас-

поряжаться как хочет. Правда, им с Сергуней оружие пока не требуется. Но если потребуется, где они его возьмут — только здесь.

И Лешка принялся исследовать тайник.

Сверху лежал немецкий автомат, магазин был полон патронов. Потом два немецких карабина и наша трехлинейка. В отдельном свертке были гранаты: две наши «лимонки», одна РПГ-42 и четыре немецкие — с длинными ручками. На самом дне в мешке были патроны: и россыпью, и в обоймах, и в длинном цинковом ящике, вскрытом и наполовину опорожненном. Патроны были в основном немецкие, для автомата, но и пистолетные попадались, и наши — винтовочные. Совсем в глубине, сбоку, лежал небольшой сверток. Там оказались два пистолета: ТТ и «вальтер». Любимый Лешкин «вальтер»! Он осмотрел его, вынул полную обойму, отвел затвор. Тот заскрежетал. Не смазан, а может, и в песке. Этого Лешка стерпеть не мог. Он заметил, что один карабин был густо смазан. Пустой винтовочной обоймой он наскреб с него смазки, сунул «вальтер» в карман, в тайнике все привел в порядок и закрыл его крышкой. Потом еще раз осмотрелся — кругом было пусто и тихо — и спустился дальше к блиндажу.

Это было довольно тесное помещение с бревенчатыми стенами и потолком. Но здесь был стол и вдоль стен скамейки. Двери не было, просто дыра, но в нее проходило достаточно света.

Лешка сел за стол, достал «вальтер» и принялся его разбирать. Он оторвал кусочек от подкладки пиджака и вытер им дочиста все детали пистолета. Потом стал их смазывать.

И тут, совсем близко, он услышал голоса. Ему слышалось что-то немецкое... Бежать? Поздно. Немцы увидят его с разобранным пистолетом — и это все. Конец. Сергуню сразу арестуют... Значит, защищаться! Сюда, сбоку от двери, и стрелять внезапно. В бок первому, потом выскочить и во второго! Пока он думал, руки автоматически точно собирали пистолет. Почему-то он вдруг представил, как в дверь входит Краузе, толстенный, удивляющийся...

У входа осыпалась земля, и в блиндаж вошел Женька. Он замер, глядя на Лешку без всякого выражения. Лешка положил пистолет и вытер лоб. В блиндаж протискивались остальные, Женька посторонился. Он мол-

чал и не спускал с Лешки глаз. Вошли двое, Семка и Виталий. Они и по деревне всегда ходили вместе. Все трое молчали и смотрели на пистолет. Женька подошел к столу.

— Это твой?

Лешка пожал плечами.

— Я спрашиваю, это твой?

— Нет.

— А зачем взял?

— Обожди, — сказал Виталий. — А как он нашел?

— Кто показал-то? — спросил Семка.

— Я случайно нашел, — сказал Лешка. — Спускался и ногой зацепил.

— Спускался... — Скулы у Женьки побелели. — Кто подослал?

— Да никто. Гулял просто.

— Ну и догулялся. Отсюда не выйдешь, пока не скажешь.

— Подумаешь, какой страшный! — Лешка обозлился. — Очень я тебя испугался!

— Да что с ним разговаривать! — сказал Семка. — Пистолет сломал, нашпионил...

— Кто сломал, кто?! — Лешка вскочил. Потом сел, закрыл глаза, а голову запрокинул и стал на ощупь разбирать пистолет. Озадаченные ребята следили за его руками. Он разобрал «вальтер», потом собрал его, вогнал обойму и только тогда открыл глаза.

Но Женька стал еще подозрительней.

— Где это ты так наловчился? — спросил он.

— Где надо, — сказал Лешка и прикусил язык.

Ох, как хотелось сказать им, что он советский разведчик, что его специально привезли на самолете, что он знает про школу и Краузе такое! А Сергуня — это...

Женька сел, подвинул к себе пистолет и сказал Семке:

— Иди на пост. Как бы он не привел кого с собой.

Семка молча вышел.

— Где научился немецкий пистолет разбирать? — спросил Женька.

— Не твое дело!

— Ты отвечай давай, а то плохо будет. Ветеринар у немцев работает... Он послал?

— Никто меня не посылал! Я сам пришел.

— Кончай! Все равно скажешь...

Лешка лихорадочно соображал, как быть. Лицо у Женьки было жесткое, глаза горели ненавистью. Ребята явно наши, значит, можно как-то намекнуть про Сергуню, про задание... Но много раз говорил ему Сергуня, что ни при каких обстоятельствах и никому этого говорить нельзя. Только бы выбраться отсюда, вернуться к Сергуне! И дернуло его пистолет смазывать...

— У меня такой же пистолет был дома, в Гдове, — сказал Лешка, — я и научился. А потом в дом бомба попала.

— А где пистолет взял?

— На убитом офицере нашел. В городе бой был.

Женька задумался. Поверит или нет?

— Я пионер, и нечего меня подозревать! — Лешка решил наступать. — Я сам хочу с немцами драться! А вы тоже — нашли, где тайник сделать. Так его любовью найти может. А пистолет нечищенный был! Не умеете с оружием обращаться, а еще допрашиваете!

— Кто дорогу сюда показал?

Лешка замаялся, но ничего не оставалось, как сказать правду.

— Козодой говорил, что у вас блиндаж есть. Я и пришел посмотреть.

— Козодой!.. — Женька сжал кулак и посмотрел на Виталия.

— Не надо было бить его, — сказал Лешка, — пусть бы лучше поклялся никому не говорить, а то он мог на вас обозлиться и кому угодно растрепать. Хорошо, мне сказал.

— А ты чем поклянешься, что не проболтаешься? — спросил Женька.

— Чем хочешь, — Лешка встал.

— Мать есть?

— Нет.

— Тогда клянись своей жизнью. Предашь — жизнью и ответишь. У меня рука не дрогнет.

Лешка набрал уже воздуха, чтобы торжественно поклясться, но сообразил, что ему надо будет все рассказать Сергуне.

— Чего мнешься? — прищурился Женька.

— А если я партизанам расскажу?

— Здесь партизан нету.

— Ну а если парашютисты наши в лесу — им могу рассказать?

— Если точно будешь знать, что наши. И вообще сначала мне скажешь, если встретишь кого.

— Хорошо. Значит, клянусь собственной жизнью, что никому не расскажу об этом блиндаже...

— Об отряде «Мститель», — подсказал Виталий, и Женька метнул в него гневный взгляд.

— ...об отряде «Мститель» и тайнике с оружием, — продолжал Лешка, — никому, кроме советских разведчиков.

— Если будешь точно знать, что наши, — добавил Женька.

— Если буду точно знать, что наши. Ну, теперь примете меня?

— Больно быстрый, — сказал Женька. — Испытательный срок пройдешь. Сейчас иди домой. И помни клятву. А с ветеринаром осторожней будь.

Лешка вылез из блиндажа и огляделся. Он не сразу заметил Семку, лежавшего в густой рыжей траве. С охранением у них было поставлено хорошо.

Лешка уже далеко отошел, когда увидел, что через кусты кто-то пробирается. Он лег в траву, отполз за бугорок и стал наблюдать.

Из кустарника вышел Пашка. Он постоял, оглядываясь, и пошел прямо к блиндажу.

Может, он их выследил? Пашка явно на Краузе работает... Сейчас он на них наткнется, и Женька запросто его пристрелит! У него действительно рука не дрогнет. Недаром он у них командир.

Пашка скрылся за бугром. Лешка подавил желание подобраться ближе и послушать, что там происходит. Выстрела не было. И тут на склоне появились Пашка, Женька и Виталий, раскрыли тайник и понесли свертки с оружием в сторону от блиндажа, куда именно, Лешка не увидел, потому что бугор скрыл ребят. Вот тебе и Пашка!

Всю дорогу до дома Лешка мучился. Во-первых, он чуть не выдал себя, когда похвастался знанием пистолета. А во-вторых, он сказал им про Кольку, значит, предал. Правда, иначе было трудно выкрутиться. А если бы он попал в руки к немцам — сказал бы он про Кольку, чтобы спастись? Да никогда! Никого бы он не выдал, пусть бы его мучили и пытали!

Сергуня был во времянке, и Лешка, предварительно

осмотревшись, нет ли кого поблизости, шепотом рассказывал свои приключения.

Сергуня задумался. Он лежал на сене, служившем им постелью, и по привычке бормотал какую-то песню.

— Вечером приведи ко мне этого Женьку, — сказал он наконец. — Но лучше найди его сейчас, скажи, что один человек хочет его видеть вечером, что дело тайное и чтоб он до встречи ничего не предпринимал со своим отрядом. А то они тут натворят чего-нибудь раньше срока.

— А если он не пойдет?

— Скажешь, что это приказ.

Лешка пошел по деревне к Женькиному дому. Женьки еще не было, и Лешка дожидался его, лежа в бурьяне на пустыре. В деревне Лешка уже освоился и привык к виду немцев на улицах. Немцы были какие-то тихие, не зверствовали. Сергуня объяснял это тем, что здесь стоит простая войсковая часть, а не эсэсовцы и не каратели.

— Ну, чего тебе? — хмуро спросил Женька, когда Лешка подозвал его.

— Сегодня, когда стемнеет, приходи к нам во времянку, — Лешка говорил строго, он торжествовал, потому что брал реванш. — Иди огородами, чтоб никто не видел.

— Это еще зачем?

— Один человек хочет с тобой поговорить.

— Ветеринару продал?! — Женька схватил его за ворот.

— Пусти, дурак! — Лешка вырвался. — При чем тут ветеринар?..

— Уже разболтал? А жизнью кто клялся?

— Я клятву не нарушал. Сказано — приходи. Это приказ.

— Чей?

— Сказать не имею права. И ты об этом своим не болтай.

Женька задумался, недоверчиво глядя на Лешку.

— Ладно. Сам придешь за мной. Кинешь камнем в сарай, я выйду.

Дождавшись темноты, Лешка пришел на тот же пустырь и кинул камешек в стену сарая. Женька появился неожиданно — сзади. Значит, боялся предательства и дожидался Лешку, спрятавшись в бурьяне.

Они молча пробрались по задкам деревни к дому ветеринара. У забора Женька остановился.

— Я туда не пойду, — прошептал он, — пусть сам выйдет.

— Ему нельзя выходить. А ты трус, вот ты кто!

— Ну смотри, если со мной что-нибудь — тебе конец.

— Ладно, ладно! Иди давай...

Они перелезли через забор, подошли к времянке.

— Иди, я здесь сторожить буду, — сказал Лешка.

Женька пробыл во времянке долго. В окне слабо теплился огонек коптилки. Голосов слышно не было. Лешка сторожко прислушивался, не идет ли кто-нибудь. В деревне было тихо, только на горе, у школы, урчал грузовик. Редко лаяли собаки. Ночами бывали уже заморозки, и Лешка дрожал в своем пиджаке.

Дверь тихо открылась, Женька вышел. В темноте не видно было его лица. Он молча протянул руку, и Лешка протянул свою. Женька до боли сжал ее и, не сказав ни слова, быстро пошел к забору. Слышно было, как он перелезал, потом стало тихо. Грузовик на горе замолчал. Далеко, на том конце деревни, взлаивала собака.

15

У Сергея было ощущение, что реальными вокруг него были только времянка, забор да еще опустелые грядки с гниющей картофельной ботвой. Жизнь вне этого двора была зыбкой, двоящейся, как в пыльном зеркале. Ветеринар казался ненадежным. Пока он их еще терпит, но, когда потребуется активная работа, как он себя поведет? И есть ли уверенность, что он уже не работает на Краузе?

Житухин живет в школе, никуда не выходит, печатает там спокойненько фальшивые карточки... До него не добраться. А и доберешься, так что? Взрывчатки нет, школу не взорвать, станки не уничтожить. И рации нет, чтобы запросить помощь. И вообще, Хазин, не получив никакого сообщения в течение этих двух недель, вполне уже мог поставить крест и на Потапе и на Сергее. Да и на всей операции.

Один появился прочный островок в этом колеблющемся мире — Женька. Злой, ненавидящий, весь нацеленный

ленный на борьбу. Но в то же время наивный, неумелый... Ну, украли они у шофера немецкого грузовика домкрат и сумку с инструментами. Собирались прокалывать шины машин, поджечь бочки с горючим... Разумеется, Сергей запретил им такие детские диверсии. Но с Пашкой Женька придумал здорово! Убедить всю деревню, что Пашка отщепенец и все ребята его презируют, — это было непросто. Тут, конечно, сам Пашка здорово поработал. Но односельчан он смог провести, а Краузе? Насколько майор верит Пашке? Опять неясность. И что такое Краузе?

Сергей до сих пор не имел представления о своем главном противнике. Он больше не видел его, кроме той встречи у школы. Он не слышал его голоса, не видел глаз. Деревенские считали его простым интендантом, своего рода завхозом, штатским человеком, в силу обстоятельств надевшим военную форму. А у него двадцатилетний стаж разведывательной работы!

Да, не все было понятно... Ну, есть в лесу лагерь для военнопленных. Так почему бы Краузе не держать мастерскую по изготовлению карточек там, за колючей проволокой?

Сергей сидел у себя во времянке, вязал веники и мучился: что предпринять?

Веников он навязал уже порядочно. Евдокия Ивановна все относилась немцам. Для школы нужно два, ну три веника в месяц. В лагерь отправляют? Что же это за концлагерь, куда требуется такое количество веников? Странно... Следовало узнать хоть что-нибудь об этом лагере. Но как? Сергей пока не придумал. Главным сейчас было другое — Житухин, карточки. Что это за человек такой — Житухин? Предатель? Или просто привезли его и заставили работать?

Сергей вызвал во времянку Пашку. Конечно, не следовало раскрывать себя другим ребятам, надо было ограничиться Женькой, но Сергею необходимы были сведения из первых рук, приходилось идти на дополнительный риск.

Пашка рассказал много интересного. В школе было несколько комнат, которые постоянно охранялись часовыми. В одной комнате Пашке удалось в открывшуюся дверь заметить высокий шкаф с множеством ящиков, на которых были написаны буквы. Нетрудно было сделать вывод, что в школе находится большая картотека.

Но для изготовления фальшивых карточек картотека не требуется. Возможно, это картотека на заключенных в лагере.

По словам Пашки, Краузе ездил в лесной лагерь не каждый день. Иногда к нему приезжали оттуда офицеры.

В школе Пашка часто встречал пожилого человека в круглых очках и с густой бородой, закрывавшей чуть ли не все лицо. Он жил в комнате, где раньше был зоологический уголок, и часто слонялся по коридорам и во дворе. Вид у него был такой, словно он измучен бездельем. Житухин, а по описанию это был он, перед немцами дрожал, в коридорах прижимался к стенам, пропуская какого-нибудь солдата, и только с Краузе вел себя смелей, наверно, потому, что тот обращался с ним подчеркнуто вежливо. Непохоже было, чтобы Житухина держали взаперти: раз в неделю, вечером, он ходил в деревню в баню старосты Шубина. Однажды Житухин даже попросил Пашку наломать ему березовых веток для веника. Но Пашка сказал, что ему некогда, пусть Шубин наломает.

Вообще, как понял Сергей, Пашка вел себя там независимо и даже вызывающе. Наверно, это было правильно, во всяком случае похоже, что Краузе Пашка нравится и он ему доверяет.

Пашке Сергей дал задание познакомиться с Житухиным, зайти к нему в комнату под предлогом того, что ему что-то нужно из оборудования зоологического уголка.

Через два дня Пашка доложил, что знакомство состоялось. Он пришел к нему порыться в старых чучелах птиц. Житухин сидел на кровати и пил самогон, закусывая прямо от целой луковицы. И при этом был вроде не пьян, но разговорчив. Поговорили о том, о сем, ничего особенного сказано не было, но Пашка заметил, что Житухин настроен мрачно. Напоследок Житухин попросил убрать из комнаты чучело филина, сказав, что оно его пугает вечерами. И хоть он закрыл его старой наволочкой, все равно лучше убрать. Пашка забрал чучело и спросил, не надо ли веников для бани — у него засушены. Житухин сказал, что надо в пятницу. И попросил Пашку прийти вместе с ним мыться, один он боится. Пашка удивился, чего там страшного может быть. Житухин сказал, что боится партизан, а мыться

вместе с немцами или Шубиным ему противно. Пашка сказал, что ладно, придет, если выберет время. И тут Житухин стал ругаться и проклинать свою жизнь. А Пашка ушел.

Вечером в пятницу, когда Лешка прибежал с сообщением, что Житухин пошел в баню, а шубинская сноха, топившая баню, ушла в дом, Сергей вышел из времянки. Вечер был темный, безлунный. Лешка повел Сергея огородами, но они чуть не натолкнулись на двух немецких солдат — те стояли возле уборной и разговаривали. Пришлось дожидаться, пока они уйдут. Наконец добрались до бани. Женька сторожил недалеко. Сергей сказал ребятам, чтобы они следили за шубинским домом и вообще за всеми подходами и, если кто-нибудь пойдет к бане, задержали бы любой ценой.

Окна шубинского дома были ярко освещены, там слышалась музыка — заводили патефон. Полиции гуляли. Напьются, и придет в голову попариться, благо баня топлена. Надо было спешить.

Сергей дернул дверь, она была заперта. Он постучал в запотевшее оконце.

— Паша? — спросили из-за двери.

— Да, — сказал Сергей.

Звякнул крючок, Сергей толкнул дверь. Голый Житухин, прикрывающийся веником, попятился от него.

— Не пугайтесь!

Сергей запер наружную дверь, но тут Житухин юркнул из предбанника в парилку и закрыл дверь. Слышно было, как он пытается всунуть в ручку какую-то палку.

— Ведите себя тихо, и с вами ничего не случится, — сказал Сергей и потянул за ручку. Дверь открылась. Житухин в страхе смотрел сквозь пар на Сергея. Тот вошел и сразу присел — такой жар плавал под потолком. На скамье стояли две коптилки, призрачно освещавшие помещение.

— Садитесь, — сказал Сергей, — мне надо с вами поговорить.

Житухин послушно сел. Борода его была в мыльной пене. Он молчал, прислушиваясь к чему-то, а глаза бегали по лицу Сергея.

— Не беспокойтесь, нас надежно охраняют, — на всякий случай сказал Сергей и продолжал, — вы — Житухин Иван Михайлович, тысяча восемьсот восемь

десять четвертого года рождения, по образованию художник-гравер. Но честный труд вас не привлекал. Дважды судились, в сороковом году освобождены из заключения и жили в Сиверской на поселении.

Житухин не шевелился, во все глаза глядя на Сергея.

— В Ташкенте, — спокойно продолжал Сергей, — до недавнего времени жила бывшая ваша жена, Бакшеева.

Сергей сделал паузу, и тогда Житухин выдавил:

— Почему — до недавнего?

— Она умерла.

— А что с ребенком? — не сразу спросил Житухин.

— Поздновато вы заинтересовались судьбой дочери, поздновато.

— Но все же?

— Она учится в интернате. Она знает, что ее отец был фальшивомонетчиком, но не знает, что он стал предателем Родины.

— Это не так! — быстро сказал Житухин, выставив вперед руки.

— Вы участник фашистской диверсии против Ленинграда. Вы печатаете фальшивые карточки. Что — не так?

Житухин судорожно вздохнул и опустил голову.

— За измену Родине вы приговорены к смертной казни.

Житухин отшатнулся, вскочил.

— Сейчас?.. — прошептал он, вглядываясь в Сергея. — Не имеете права! Если бы добровольно... Приехали в машине, с оружием, вывели, не дали вещей собрать... Меня заставили силой! И что мне было делать? Сказать — не буду? Да что вы понимаете? Вам легко говорить, вас много, вы с оружием, а вы бы попробовали один! Среди них... Ну и стреляйте, черт с вами! Стреляйте!

— Сядьте и перестаньте кричать, — сказал Сергей, — вы можете искупить вину.

Житухин опустил на лавку, недоверчиво глядя на Сергея.

— Ну да! Подложить мину — и самому... Кровью смыть, как это там гозорится... Нет! Я не смогу.

— Давайте без истерик, Житухин. Вы можете принести пользу Родине, оставаясь живым.

— А где гарантия, что я все же останусь...

— Никаких гарантий я вам не дам, — перебил Сергей, — кроме одной: если вы откажетесь помогать нам, я вам гарантирую...

— Я понял! Я согласен!

— Так... Что вы делаете для Краузе?

— Печатаю продовольственные карточки. Ну, потом кое-какие исправления в разных документах...

— Каких документах?

— Паспорта, военные билеты... — Житухин суетливо поглядывал на дверь, нервно потирал руки.

— В чем дело? — спросил Сергей. — Вы ждете кого-нибудь?

Это был хороший случай проверить Житухина. Если он не скажет, что ждет Пашку, значит доверять ему нельзя.

— Сейчас, возможно, придет парнишка, который бывает у Краузе. Если он вас увидит...

— Его задержат, — сказал Сергей и успокоился.

— Вы не возражаете, если я залезу туда? — Житухин показал на полочку. — Меня знобит.

Он залез на полочку, лег на живот и, свесив голову, поглядел оттуда на Сергея.

— Может быть, вы тоже разденетесь, а то мне как-то неудобно.

— Ближе к делу. Сколько карточек вы отпечатали?

— Двенадцать.

— Вот что, — сказал Сергей, — если вы хотите вести двойную игру, разговор у нас будет короткий. Повторяю, сколько карточек...

— Двенадцать! — Житухин даже подскочил. — Четыре хлебные, четыре на жиры, четыре... Я сделаю все, что потребуете, но если вы мне не верите, я...

Он развел руками и выронил веник. Сергей поднял его, протянул Житухину. Врет? Не похоже. Но почему карточек так неожиданно мало?

— Сколько вы можете сделать в неделю?

— О, я могу гораздо больше, но меня же не заставляют! Мне говорят — один комплект, и я делаю один.

— Куда потом идут эти документы?

— Этого мне не говорят, конечно.

Сергей надолго задумался. Житухин беспокойно поглядывал на него сверху, вертелся, раза два хлестнул себя веником.

— Вы можете оставлять на карточке, — спросил наконец Сергей, — какой-нибудь знак, чтобы отличить ее сразу, без экспертизы?

— Трудно... — Житухин задумался. — Краузе сам сличает с оригиналом. Нет, это не получится.

— Ну а как можно сделать, чтобы какое-нибудь пятно, например, проступило, но не сразу, а через несколько дней?

— Пятно — нельзя. Правда, можно ослабить краску. Я этим когда-то занимался из чистого интереса. Своего рода научная работа. При этом печать, скажем, через некоторое время выцветает, меняется соотношение цветов.

— Через какое время?

— Если она выцветет в сейфе у Краузе, я уже не буду вам полезен. Но можно будет добиться, чтобы выцветала дней через десять, пожалуй.

— За это время документы уже уйдут?

— Да.

— Сделайте для меня такую ослабленную карточку.

— Вы можете и не проверять меня. Я своему слову не изменяю.

— Когда она будет готова? — строго спросил Сергей и встал.

— Дня через три. Но я рискую...

— Конечно, рискуете. Через три дня вас навестят.

— Кто? — Житухин испугался.

— Вас спросят, нет ли у вас в комнате чучела сойки. Это значит, что человек от меня. И учтите, Житухин, мы следим за вами пристально.

— Но если Краузе меня заподозрит, он, знаете ли, довольно милый человек, но все же... я смогу бежать к вам?

— Постарайтесь, чтобы он не заподозрил. И будьте с ним осторожней. Это хитрая лиса.

Житухин всплеснул руками и снова выронил веник.

Сергей протянул его Житухину и вышел в предбанник. Житухин слез с полка и зашлепал за ним. Приоткрыв дверь, Сергей осмотрелся и прислушался. В доме Шубина пели.

— А я даже рад, — сказал вдруг Житухин, — надоело бояться попусту.

— С легким паром, — Сергей выскользнул в дверь и услышал, как сзади звякнул крючок.

Еще с вечера температура резко упала. Ночь была морозная, тихая, и утром лес стоял застывший и опустелый: всю ночь с осин, тополей и берез падали листья. Ветра не было совершенно, и круглые кучи листьев лежали под деревьями.

Лешка сидел на пне, засунув руки в глубокие карманы и постукивая ботинком о ботинок. Мороз пробирал. Хорошо, Евдокия Ивановна подарила ему вчера свою старую плюшевую шляпу. Сергуня надрезал ее в двух местах, отвернул края, и получилась шапка, прикрывающая уши. Правда, без козырька. В ней было тепло, но выглядела она все-таки слишком женской, и Лешка уныло ждал сейчас появления Пашки — засмеет он его.

У Лешки была с собой корзина под клюкву. Следовало бы набрать немного ягод, но, где клюква растет в лесу, Лешка не знал.

Пашка появился бесшумно и совсем не с той стороны, откуда Лешка ждал его. Вид у него был запаренный: кепка на затылке, лицо горит, ворот рубахи растегнут, и видна крепкая, покрасневшая шея. Пашка тяжело дышал.

— Ты чего? — испугался Лешка.

Пашка не ответил, присел на корточки, сплюнул сквозь зубы. Он был очень возбужден, но как-то весело возбужден. На Лешкину шапку он и внимания не обратил.

— Ну пошли, чего сидишь?! — Пашка упруго поднялся, пнул ногой шишку.

— А ты почему бежал? — спросил Лешка, идя за ним и принаравливаясь к его размашистому шагу.

— Ты в лесу болтай поменьше, — сказал Пашка. — Разговорчивый больно!

Пашка был недоволен, что Сергуня послал с ним к лагерю Лешку. Он все любил делать один, а от Лешки никакого проку не ждал. С утра он ходил в лес проверять силки на рябчиков и петли на зайцев. В руках у Пашки ничего не было, и Лешка соображал, как бы поехидней спросить у него насчет добычи.

Они быстро шли лесом по еле заметным тропинкам, известным одному Пашке.

Пашка давно уже нашел безопасный подход к этому лагерю, еще когда решено было напасть на охрану и

освободить пленных. Сергуня запретил об этом и думать, однако заинтересовался рассказом Пашки о той лесистой гриве, с которой лагерь виден как на ладони. Непонятно только, почему он послал с Пашкой этого пацана. Впрочем, сейчас это было не важно: сегодня утром все изменилось. Пашка встретил в лесу партизан. Двое с немецкими автоматами вышли из зарослей, когда Пашка возился с петлей на заячьей тропе. Заяц попался тощий, но так запутал ловушку, что с ней пришлось повозиться. Он чертыхался, стоя на коленях, и услышал идущих, когда те были уже рядом. Партизаны долго выспрашивали Пашку, кто он и откуда. Пашка все им рассказал: сколько немцев в Кропшине, про Краузе и школу. И сам стал их расспрашивать, но они ему ничего про свой отряд не сказали, их беспокоило одно — где можно достать продукты.

Пашка догадывался, что они не здешние и пришли, вероятней всего, на зимовку.

Он спросил, как их можно будет разыскать, но они посмеялись в ответ и собрались уходить. Тогда Пашка стал им рассказывать про отряд «Мститель» и про лагерь, что его можно запросто атаковать небольшими силами, охрана там слабая, на вышках даже пулеметов нет. А пока из Кропшина прибудет подкрепление, пленные уже будут свободны, вооружатся, и продуктов достанется много, и боеприпасов.

Партизаны слушали его недоверчиво, но напоследок сказали, что доложат все командиру, а через пять дней Пашка пусть придет на это же место.

Пашка отдал им зайца, двух рябчиков, и партизаны ушли. Теперь Пашка мучился: а вдруг они ему не поверили и не придут больше? Может, надо было рассказать им, что в Кропшине находится наш разведчик со специальным заданием?

Ребята пришли на гриву, забрались на ее вершину, и Пашка, как велел Сергуня, показал Лешке здоровенную сосну. В развилке этой сосны удобно было сидеть, и лагерь оттуда виден хорошо.

Лешка полез по стволу, но не смог забраться и сполз. Пришлось его подсаживать. Странное дело: Сергуня мировой мужик, настоящий разведчик, казалось бы, умный, но почему он с собой такого слабака взял?

Лешка долго сидел на сосне. Пашка сказал ему, что-

бы он там не очень вертелся, а то как бы с вышки какой-нибудь фриц его не углядел.

Ветер, начавшийся недавно, дул в сторону лагеря, и ничего не было слышно. Обычно сюда и лай собак доносятся, и даже голоса, только ничего не разобрать.

Лешка слез и сказал, что можно идти. Надулся пацан, воображает, раскомандовался!.. Ну, пусть его. Обидно, конечно, что Сергуня вроде бы и не доверяет Пашкиному глазу, но ничего, вот он ему расскажет про партизан! А этой мелкоте про то знать не надо. Сейчас он его заставит клюкву собирать, а то припрется в деревню с пустой корзиной, с него станет!

17

Гаврин принес Сергею кусок мяса. Летом он лечил у Шубина корову, которая отелилась бычком. Шубин подросшего бычка зарезал, и про Гаврина не забыл.

Гаврин поставил мясо вариться, закурил, сел на лавку и сказал Сергею, что Шубин говорил, будто немцы вышли к Волге и взяли Сталинград. Теперь покажутся до Урала.

— Все, что они говорят, делите на три, — сказал Сергей. — Ленинград больше года взять не могут. А Москва? Они уже утюжили мундиры для парада на Красной площади, но пришлось мундиры побросать, когда драпали.

— Да, это все так... — Гаврин затыкнулся самокруткой, закашлялся.

— Чем вы озабочены? — спросил Сергей.

— Знаете, я иногда пугаюсь — мне приходится много с ними общаться, все-таки организованность у них поразительная. Казалось бы, далеко от фронта, тихо, но как солдаты козыряют офицеру, вы бы видели! Организованность и дисциплина. Просто железная машина! Что может этому противостоять?

— Сила духа! — Сергей вскочил и заходил по комнате. — У наших людей гораздо больше душевных сил, чем у немцев, потому что немцы пришли поработать, а мы боремся за свободу.

— Но чтобы сломить такую машину, нужна техника, одной силы духа, знаете ли...

— А вы не представляете, какую технику сейчас со-

здают в тылу! И как работают — по четырнадцать часов. Женщины, дети...

Сергей замер, прислушиваясь, сделал знак Гаврину и быстро лег на сено. Стукнула дверь, Гаврин поспешно обернулся. Но это был Лешка.

— Здравствуйте, дядя Гриша.

— Здравствуй, — Гаврин встал, посмотрел на Сергея. — Один их грузовик поднимает четыре тонны, а наши полуторки... Ну да ладно. Вот что еще. Тут у нас есть недостроенный скотный двор. Вчера вечером майор ходил туда. Непонятно, что ему могло понадобиться. Причем я его там второй раз вижу.

— А первый раз когда это было? — спросил Сергей.

— Дайте вспомнить... На той неделе. В четверг.

— Сегодня пятница... А что там, в этом скотном дворе?

— Да ничего. Стены не кончены, стропила не начали ставить — война помешала. — Гаврин заглянул к Лешке в корзинку, усмехнулся, с сомнением глядя на Сергея. — По ягоды ходим... Ну, ну...

Гаврин ушел. Лешка вертелся у печки, принюхиваясь к запаху из чугунка.

— Скоро есть будем, — сказал Сергей. — Давай рассказывай!

— Пашка что-то срочное сказать хочет.

— Подождет до темноты. Ну, что в лагере?

Лешка начал рассказывать, и Сергей в который уже раз подивился его зрительной памяти. За полчаса Лешка увидел и запомнил все, что возможно было разглядеть с такого расстояния.

Прежде всего Сергея поразило одно Лешкино наблюдение. В стороне от бараков была площадка, на которой имелись высокое горизонтальное бревно с наклонными сходами и дощатая стена в виде фасада с двумя, одно над другим, пустыми окнами.

Дальше — больше! Недалеко от этого места Лешка разглядел группу людей, одетых в наши, песочного цвета, шинели. Двое боролись, а остальные стояли вокруг. Потом, когда один из борющихся упал, стали бороться двое других.

И, наконец, третье. Лешка заметил две группы людей — в наших шинелях и в штатских пальто, среди которых видны были фигуры в немецких мундирах. Обе эти группы медленно расхаживали по территории, слов-

но гуляли, и вели мирные беседы. Кроме того, Лешка утверждал, что форма у немцев была светлая, армейская, а не черная, эсэсовская.

Хорош концлагерь, где для пленных имеется тренировочная полоса препятствий, где они занимаются уроками борьбы и разгуливают, беседуя с немецкими офицерами! Да и пулеметов на вышках нет, и собаку Лешка видел только одну: солдат вывел ее за ограждение на поводке и скоро увел обратно.

Вот теперь для Сергея изменилась вся картина хозяйства Краузе, и все встало на свои места. В лесу неподалеку от Кропшина находится немецкая разведывательная школа, и готовит она, по всей видимости, диверсантов, набранных из предателей, уголовников и просто запуганных фашистами военнопленных.

Понятно и наличие в школе у Краузе картотеки. Только странно, что она хранится открыто, в шкафах; маловероятно, чтобы такой опытный разведчик, как Краузе, хранил ее таким образом. Это какая-то другая картотека, а секретная, самая ценная, на агентов, засылаемых к нам в тыл, должна быть спрятана. Здание школы занято Краузе недавно, вряд ли он мог устроить какой-нибудь потайной сейф в стене, там стены бревенчатые. Краузе, конечно, ждет, что наша разведка рано или поздно заинтересуется его хозяйством, ждет — и приготовился. И в простой сейф картотеку он не положит, это против правил — сейф всегда притягивает разведку противника. И не в лагере он ее держит — при себе, рядом, на случай неожиданностей. Нет, картотека у него в комнате, в таком месте, которое всегда на виду и не вызывает никаких подозрений.

Сергей поймал себя на том, что для него уже изменился весь смысл операции. Завладеть картотекой разведшколы! Но по зубам ли ему такой орешек? Даже если он до нее доберется, что дальше? Фотоаппарата нет. Значит, надо ее похитить. А это сразу — тревога, оцепление деревни, облава... И как передать картотеку в Центр? Нет, тут надо все как следует обдумать...

Да, теперь понятно, почему так мало карточек печатает Житухин: он снабжает фальшивыми документами агентов, отправляющихся на задание. И тогда правильно Сергей придумал — эти изменившие цвет карточки помогут опознать диверсантов при первой же проверке документов. Ведь в Ленинграде можно оказаться без

паспорта, но карточки должны быть у каждого... Как сообщить об этом в Центр? Связь! Нужна связь — и немедленно!

Вечером во времянке появился Пашка. Он рассказал о партизанах, и Сергей даже не сразу смог поверить в такую удачу. Но есть ли у них рация?

— Я днем в школе был, — сказал Пашка напоследок, — майор сказал, что работу даст. У них дед Никифор печи топил, а теперь не может — спина заболела, не гнется. Вот майор хочет, чтоб я топил. А я не знаю...

— Ну так хорошо! Будешь печи топить, значит, во всех комнатах побываешь. И тут я очень надеюсь, Паша, на твою смекалку. Понимаешь, у Краузе где-то должен быть тайник, он там прячет очень важные документы. В кабинете или в комнате, скорей даже в комнате. Ты у него там был?

— Ну, был.

— Вспомни, что у него в комнате.

Пашка задумался. Сергей пожалел, что Лешка не может побывать у Краузе — тогда бы он знал все до последней мелочи.

— Ну, там шкаф, он раньше в учительской стоял. Потом стол. С ящиками, такие у него — тумбы...

— А что на столе лежит?

— Книжки. Потом портфель. Такая вот, — Пашка показал руками, — толстая бутылка стоит металлическая, а крышка — стаканчиком.

— Термос... Нет, это не то. Ну еще что припомнишь?

— Чемодан под кроватью. Потом у него такая штука есть, в ней разные пузырьки, коробочки блестящие, бритва...

— Несессер. Маловато по размеру. Это должно занимать такое место, как толстый портфель.

— Еще у него ящик есть.

— А что в ящике? — оживился Сергей.

— Там стружка. Он ее берет, когда с птицы шкурку с перьями снимает. Он мне показывал — интересно делает. Значит, шкурку изнутри кисточкой смазывает, мышьяком, чтобы не сгнила, потом из этой стружки комочек делает и в шкурку вставляет — как бы тело. Потом зашивает, и получается, будто птица лежит на спине, крылья прижаты, клюв вытянут, как мертвая.

— Ящик, говоришь... Может, на дне, под стружкой? Ты попытайся, когда майора не будет...

— А он сейчас уехал! — перебил Пашка. — За ним машина пришла, не ихняя, откуда-то, не знаю.

— А кто за него остается, когда он уезжает?

— Обер-лейтенант. Его Курт зовут, а фамилия трудная.

— Так, так, так! — Сергей возбужденно потер руки. — Хорошо бы сегодня там протопить — и в ящике... того, а?

— Я и пойду, они на ночь всегда топят. И ящик раскурочу.

— Только осторожно! Если найдешь, ничего не бери, оставь все как было. И вот что еще. Зайди к Житухину и скажи, только чтоб никто не слышал: нет ли у вас в комнате чучела сойки?

— Да нету, я и так знаю!

Сергей засмеялся.

— Это пароль. Это значит, что ты от меня. Он тебе передаст бумажку, продовольственную карточку. Ты ее спрячь и принеси мне. И спроси, что еще мне передать.

— Все сделаю в лучшем виде! — Пашка ухмыльнулся.

Похоже было, что этот парень вообще не знает, что такое страх. Пашка вышел совершенно бесшумно, за такое слабо мелькнула его тень.

Сергей и Лешка поужинали мясным супом, и Лешка лег спать. Сергей сидел на скамье у окна, хотелось курить, хотя бросил он уже давно, еще в Ленинграде. Он смотрел на спящего Лешку. Это был уже не тот ленинградский заморыш с бледно-голубой кожей и огромными, провалившимися глазами, который спал у него на Васильевском острове. Мальчик окреп, поправился на деревенских харчах, на воздухе и солнце. И от того, что ничего страшного не происходило вокруг, стал спокойней, уверенней.

Сегодня за обедом он давился от смеха, рассказывая про Пашку, который ничего не поймал в свои силки. В лесу он хотел поддеть Пашку, но сдержался. А когда вечером пришел Пашка и рассказал про партизан и как он им отдал добычу, Лешка насупился, затих — ему было стыдно. После Пашкиного ухода он был задумчив, быстро лег и сказал, поворочавшись:

— Сергуня, а наверно, люди часто думают про других совсем не то, что на самом деле.

— Часто. Если бы люди не ошибались друг в друге, жизнь была бы простой и ясной. И многих бед не произошло бы.

Мальчик долго молчал, потом сказал с уверенностью:

— Лучше про людей сразу думать хорошее.

— Теперь он спал, а Сергей размышлял о том, что, когда мальчик это сказал, он не подумал о фашистах, и полициях, и о старосте Шубине, которые тоже люди. Или он попросту исключил их из числа людей? Конечно, прекрасно считать всех людей хорошими, а мерзавцев — редким исключением, но для разведчика это недопустимо. Он вынужден подозревать каждого. Может быть, это одна из самых тяжелых сторон его профессии.

И снова, в тысячный раз, всплыла в его памяти строчка, коряво написанная рукой Миши Панова: «Кто предал?» Эта строчка сидела в нем как заноза. И зачем Краузе ходит по четвергам на скотный двор? Ясно — для встречи со своим агентом. А почему не пошлет обер-лейтенанта или еще кого-нибудь? Также понятно, агент, значит, не говорит по-немецки. И понятно, почему встреча проводится тайно и в стороне от села: агента в Кропшине знают в лицо. Все понятно в поведении майора Августа Краузе. Одно лишь в этой простой картине ускользает от взгляда, неясно, расплывчато — лицо его собеседника. «Кто предал?»

Сергей долго сидел на лавке у окна, глядя в сад. В комнате не было света, над лесом висела луна, свет ее лежал на полу желтым квадратом. Квадрат передвигался. Сад за окном казался гуще от теней, отбрасываемых ветвями деревьев. Стекло начало запотевать, наутро, наверно, потеплеет. Очень тихо было в деревне, покойно.

А Сергею становилось все тревожней и тревожней. Словно шел он впотьмах, ощупью пробирался по короткому коридорчику, и вот-вот должна была обнаружиться дверь, а за ней — выход и свет. Но вдруг он почувствовал, что стены раздались, ушли в темноту, а за ней угадывается огромное опасное пространство, настороженно ждущее его.

Дело оказалось много серьезней, чем полагал Цантр. Не походная типография фальшивых документов, а целая разведшкола абвера, армейской разведки. Теперь

ясно, что их появление в деревне не осталось незамеченным. Конечно, их засекли. Но раскусили или нет?

Можно ограничиться вербовкой Житухина и уходить. Меченые карточки помогут вылавливать диверсантов. Но если у Житухина не получится? А главное — рядом, под носом, документы разведшколы, картотека агентов, да и не только это: мало ли какие ценнейшие сведения могут накопиться в личном архиве майора за двадцать лет работы. И он кажется таким доступным, этот архив.

Но как хочется уйти сейчас! И партизаны появились — помогут выйти к своим. Уйти, пока не захлопнулась ловушка. А он чувствует: капкан для него уже настроен. В добродушии Краузе, в том, что так гладко все выходит, что не происходит никаких осложнений, — во всем чувствуется напряжение смертельной пружины, готовой вот-вот сработать. И Краузе ходит по четвергам на скотный двор... Гуляючи, насвистывая мелодию из «Нибелунгов», прислушиваясь к голосам птиц, летящих ночами над деревней все на юг, на юг... Спокоен Краузе.

Как хочется уйти, пока не поздно. Разве можно овладеть этими документами — без прикрытия, без тщательной разработки, без помощи Центра?

А разве можно уйти, не попытавшись?

Попытаться... Надо попытаться. Надо.

«...За 24 дня круглосуточного дежурства в эфире «Потап» на связь не выходил. Подтверждения успешного внедрения «Игнатия» нет. Никаких иных сообщений от «Игнатия» не поступало.

Считаю целесообразным снять дежурство в эфире, задание групп «Потапа» и «Игнатия» считать невыполненным.

Людей в количестве шести человек считать пропавшими без вести (список и анкеты прилагаются).

Майор Хазин».

Рано утром обер-лейтенант Курт Йостель ехал в «лесную школу» в кабине грузовика, везущего продукты и отделение солдат для смены. Ехать туда ему сегодня

не следовало: майора вызвали в штаб тыла, а Курт его замещал и, по правилам, должен был находиться в комендатуре. Но майор так замучил его хозяйственными делами, гонял по окрестным деревням собирать заготовленные старостами продукты, и Курт уже несколько дней не мог вырваться в «лесную школу». Там было общество несравненно более приятное, чем в этом постылом Кропшине, где только солдатня и пьяницы унтер-офицеры.

За поворотом на дороге лежало дерево. Шофер резко затормозил, обер-лейтенанта бросило вперед, и он только еще подумал, что дерево лежит слишком правильно поперек, когда загремело железо кабины, брызнуло стекло и сразу вслед донеслась автоматная очередь. Обер-лейтенант выбил дверь и вывалился наружу, на лету выдергивая из кобуры парабеллум. Из кузова посыпались солдаты, четко разбежались веером, залегли. Обер-лейтенант лежал в кювете и торопливо стрелял в лес. Все восставало в нем против того, что должно было сейчас произойти. Так все было хорошо: далеко от фронта, чистая работа, предстоящее повышение — и вдруг чудовищная несправедливость! Почему — с ним? Почему?.. Сейчас партизаны, оборванные, вшивые бродяги, напоззут со всех сторон и будут всаживать пули ему в голову, в лицо, в спину... Ужас ледяными тисками сжимал его тело.

Но тут он заметил, что из леса стреляли не густо и с перерывами, которые становились все дольше. Его солдаты уже продвигались короткими перебежками вглубь леса. Значит, партизан мало, и они не знали, что в крытой брезентом машине сидят солдаты.

Обер-лейтенант перестал стрелять, страх прошел, но холод сжимал его... Тут только он заметил, что лежит в канаве, полной какой-то вонючей, нестерпимо холодной воды. Он вылез на сухое медленно, неторопливо, словно хотел продлить состояние унижения. Он выпрямился, уже презирая шелкающие по ветвям пули, и брезгливо отряхнул намокшую одежду кистью левой руки. Он чувствовал приближение медленно раскаляющейся ярости, которая находила на него не часто. Внешне он при этом бывал нетороплив и вкрадчив, но жесты делались слишком четкими, шарнирными, и трудно было унять подрагивание рук.

Стрельба прекратилась. Шофер был убит, трое сол-

дат ранены. Остальные принесли из леса двух партизан. Оба были живы, но без сознания.

— Этих в машину! Дерево убрать! — негромко скомандовал обер-лейтенант.

Когда он сел за руль, лицо свело судорогой от ощущения мокрых холодных кальсон. Он до боли сжал зубы, разворачивая грузовик. Ярость его нарастала.

В комендатуре, переодевшись и дождавшись, когда врач привел партизан в сознание, Курт начал допрос. Краузе все не было, надо было принимать срочные меры, и вся ответственность ложилась на него. Он, конечно, поднял гарнизон по тревоге, выставил охранение, но главное было — получить от пленных точные сведения о расположении партизан и их силах. И тогда нацеленным ударом разбить бандитов.

Может быть, еще до приезда майора.

Один из партизан, лет сорока, был ранен в лицо и в руку. Говорить он не мог, но правая рука была цела, и были целы глаза — он мог писать.

Второй, молодой, быстро пришел в себя — рана была легкой. Он молчал, но взгляд был осмысленным и испуганным. С него и начал обер-лейтенант.

Переводчик в комендатуре был толковый, он совершенно точно передавал не только смысл вопроса, но и интонацию. Молодому было обещано полное прощение и освобождение. Для этого он должен был показать дорогу к лагерю партизан. Если ему будет трудно идти, ему дадут лошадь.

Партизан молчал, морща лоб и вглядываясь в лицо переводчика.

— Мягко спросите его, — сказал Курт переводчику, — хочет ли он есть и пить.

Партизан ответил, что хочет пить. Значит, все понимал и мог говорить.

Через час обер-лейтенант всерьез усомнился в этом. Партизан молчал, а когда начали применять усиленные методы допроса, кричал иногда коротко и глухо. И из глаз его постепенно уходил испуг, а взгляд делался все спокойней, словно застывал. Потом он потерял сознание.

Бородатый поначалу дурачился, всячески показывал, что говорить не может, а когда предлагали ему писать, неуклюже шевелил пальцами правой руки и смотрел тупо на карандаш, будто видел впервые. Потом он дура-

читься перестал, но ни разу даже не застонал. Глаза у него были большие, серые, и чем серьезней его допрашивали, тем становились светлей... Он подолгу не спускал эти раскаленные от боли глаза с лица обер-лейтенанта, и того все сильнее охватывало желание сделать с ним что-нибудь необычное...

Пленных вывели на площадку перед управой. Курт велел Шубину собрать деревню и приказал полицейским рыть две ямы в рост.

Переводчик пространно объяснил жителям, что партизаны напали на мирную машину, что это бандитизм, что они подвергают жителей Кропшина большой опасности, ибо по закону германское командование должно покарать деревню, сжечь дома. Что жители должны опознать этих двоих, если их знают. А если кто-то знает о местонахождении партизан, тот обязан... и так далее.

Обер-лейтенант нетерпеливо ждал конца бессмысленной церемонии. Никто ничего не скажет, а если и опознают этих двоих, то что толку. Оставалась еще надежда, что молодой заговорит, когда Курт начнет делать с ними то, что он задумал.

Партизан зарыли в землю по плечи. Полицай обстоятельно утрамбовали грунт, переступая ногами у самых голов, словно утаптывали пристольные круги у яблонь.

— Ну! Кто знает этих людей? — крикнул переводчик, поворачиваясь на каблуках и оглядывая заполнившую площадь толпу.

Люди молчали, кое-кто из задних оттягивался к плетням, к проулкам.

Два унтер-офицера принесли свежеструганные тяжелые палки. Обер-лейтенант взял одну, взвесил в руке, вдруг отвел ее за спину и метнул. Палка, вертясь, пролетела выше голов.

— Это русские городки, национальная игра, — сказал он переводчику и кивнул на толпу, — объясните им.

Потом они с переводчиком подошли — как теперь было это назвать? — к головам.

Переводчик перевел слова обер-лейтенанта.

— Больше у вас нет времени думать. Последний раз предлагаю жизнь. Ну?

Молодая голова опустила веки, только желваки ходили на побелевших скулах. А бородатая, впившись глазами в лицо обер-лейтенанта, делала искалеченным

лицом какие-то знаки. Переводчик наклонился к ней, хотя и понимал, что сейчас партизан написать уже ничего не сможет.

Изуродованное лицо напряглось и извергло из себя плевков.

Обер-лейтенант пружинно повернулся и, чувствуя, как глаза застилает слепящий жар, стремительно пошел назад.

— Этих всех вон! — выцедил он. — Вон! Разогнать!

Полиции бросились разгонять толпу, а обер-лейтенант Курт Йостель выдернул у унтера палку, скользнул по ней вздрагивающей ладонью, резко обернулся и увидел в десяти шагах свою ненавистную, жуткую, желанную цель...

19

С утра шел дождь. Ветер дул неровно: то затихал, и тогда слышался гром струи, стекающей с крыши в полную до краев кадку, то крепчал, остервенело раскачивал голые ветви яблонь, и дождь тогда начинал бить в окно, наполняя времянку шорохом и звоном. Сергей сидел на лавке у окна. Стекло было с трещиной, и из сада проникал запах мокрой земли.

Лешка лежал на сенной постели, отвернувшись к стене.

Он видел расправу над партизанами и с тех пор был сам не свой: почти ничего не ел, угрюмо бродил по саду, а когда Сергей с ним заговаривал, замирал, глядя на него расширенными глазами, и быстро облизывал сухие губы. Говорил вятно, только как-то замедленно. Сергей не пытался его успокоить — это потрясение Лешка должен был пережить один.

Из щели под растрескавшимся дубовым подоконником Сергей достал сложенный листок — продовольственную карточку, отпечатанную Житухиным. Разглядел ее, вгляделся. Прошло три дня, а она все такая же. Ну, пройдет еще семь — до срока, обещанного Житухиным, карточка будет выцветать постепенно — заметит ли он изменение? Сравнить-то не с чем, нет у него оригинала, вот чего он не учел! Да и вообще все это ненадежно. Одну эту карточку Житухин может ослабить, а остальные? Как его тогда проверить? И поймут агенты, и не опознать их при проверке документов.

Но почему-то Сергей верил Житухину. Во всяком случае, очень хотелось верить...

Три дня назад вместе с карточкой Пашка принес от Житухина сообщение, что Краузе приказал сделать пять комплектов карточек. Житухин спрашивал, как быть. Пашка передал Житухину приказ Сергея ослабить все карточки.

А позавчера произошла трагедия на лесной дороге. И главное — бессмысленно! Машину не захватили, двоих потеряли и обнаружили себя!

Краузе приехал на следующий день утром, и через час все немцы погрузились на грузовики и мотоциклы и выехали по лесной дороге. Вернулись вечером ни с чем.

На связь с партизанами вместо Пашки Сергей отправил Женьку. Он опасался, что частые Пашкины отлучки из школы вызовут подозрение.

Сергей тщательно проинструктировал Женьку: как потребовать свидания с командиром, какие задать ему вопросы для проверки и что передать строго с глазу на глаз. А передать надо было, что в Кропшине находится законспирированный советский разведчик, что с этого момента отряд начинает работать на его обеспечение — прекращаются всякие диверсии, отряд ничем не должен выдавать своего присутствия, чтобы немцы решили, будто партизаны ушли из этих мест. А главное, командир должен обеспечить связь с Большой землей.

Женька справился хорошо. Добился, что его провели в расположение отряда, и встретился с командиром. Никакой проверки не потребовалось: командира Женька узнал, он был вторым секретарем райкома, и Женька встречал его под Лугой, когда работал там на строительстве противотанковых заграждений.

Партизан оказалось немного, это была часть бригады, разбитой фашистами южнее города Дно, где против партизан были брошены тысячи солдат, танки и артиллерия.

Отряд добрался сюда, рассчитывая зимовать, и выбрал для этого удачное место — остров посреди обширных болот. Когда Краузе прочесывал леса, он туда не смог пройти. Рации в отряде не было, и никакой связи с другими отрядами — тоже.

Командир, его все звали Никитич, обстоятельно поговорил с Женькой. Он обещал послать связных, чтобы установить связь с другими отрядами, а через них — с Большой землей. Но у них плохо с продуктами, а еще хуже с боеприпасами, поэтому пусть товарищ «икс», так он сказал, не рассчитывает на активные действия отряда. Но и прятаться нельзя — надо еду добывать. Договорились о связи, о паролях. Женька благополучно вернулся в деревню, таща на спине сушняк на растопку.

Сергей понимал, что установить прямую связь с Большой землей отряду Никитича практически невозможно. А искать другие отряды, рассеянные в лесах после разгрома немцами партизанского края, Никитич может и месяц, и два, и всю зиму. Нет, никаких иллюзий! Как не было у него связи с Центром раньше, так не будет и в ближайшее время. Но хорошо хоть, есть под боком отряд на крайний случай. Есть куда уйти, есть куда переправить документы, если вдруг невероятно повезет и удастся добыть их.

Сергей увидел в окно унтер-офицера с тремя солдатами и старосту Шубина, и по тому, как напряженно шел Шубин, не глядя на дом ветеринара и убыстряя шаги, он понял — за ним!

Пряча карточку в тайник подоконника, он сказал Лешке, который вскочил после первых же слов:

— Тревога, Леша! Меня сейчас возьмут, ты пережди в сарае у Жени. Если до вечера не вернусь, уходи ночью на кордон, Женя дорогу объяснит. На кордоне живет лесник Самохин. Это наша запасная явка.

Шубин толкнул калитку, солдаты входили во двор. Побелевший Лешка косился в окно, натягивая свой пиджачишко.

— Запоминай! Скажешь: «У вас нет козьего молока?» Он ответит: «Козу зарезал на прошлой неделе». Самохин тебя спрячет, Женя потом отведет к партизанам. Теперь быстро наверх! По лестнице, и через огород ползком. Быстро!

Лешка уже влезал на чердак, болтались ноги в проеме чердачного лаза, вот втянулись, закрылась крышка, потолок заскрипел... Сейчас он вылезет из окошка, начнет спускаться по лестнице...

От толчка ноги распахнулась дверь, унтер вошел первым. Домик наполнился стуком сапог, но Сергей

услышал, как снаружи постукивает по задней стене дома лестница.

Тупо глядя на вошедших, Сергей громко замычал, бессвязно забормотал — лишь бы заглушить этот наружный звук.

— Давай пошли! — сказал Шубин.

Это был плотный старик, с широким, всегда гладко выбритым лицом, покрытым бурым загаром. Летом он не снимал фуражки на улице, и если случалось увидеть его с обнаженной головой, поражал болезненно белый лоб на темном лице.

Шубин огляделся без интереса, взял Сергея за рукав и поднял со скамьи. Солдаты разворошили постель, заглядывали за печку. Один залез на чердак. Обыскивали как-то вяло. Сергей видел, что ищут не мальчика, обыск формальный. Да и то, как они открыто шли к дому и сейчас обращались с ним как с дурачком, все это обнадеживало.

— Иди, — Шубин подтолкнул его в спину.

Сергей подумал, что ветеринар уехал в Сухово, вернется завтра. Сможет ли Женька предупредить его? Потом он заставил себя не думать об этом. Сейчас все будет зависеть от того, сможет ли он изгнать из себя все мысли, все нормальные чувства: он должен быстро, пока идут к школе, перевоплотиться в идиота, в пустую человеческую оболочку, в животное, вялое и тупое. Но они вышли из дома, и Шубин сказал:

— Обождите. Малец где-нибудь тут.

Сергей подумал, что мальчик уже далеко, но тут Лешка вышел из-за дома навстречу Шубину. Губы у него дрожали, но глаза смотрели прямо.

— А зачем вы Сергуню забираете? — голос у него сорвался.

Шубин не ответил. Чувство, близкое к отчаянию, охватило Сергея. У него не было уверенности, что мальчик выдержит предстоящее испытание.

За долгое время своей работы в разведке Август Краузе выработал в себе устойчивое уважение к противнику. Он был свидетелем многих провалов, един-

ственной причиной которых оказывалась недооценка способностей партнера по игре.

Краузе ждал, что рано или поздно русская разведка заинтересуется его диверсионной школой, и подготовился к этому. Школа находилась в лесу, а управление и снабжение Краузе решил вести из Кропшина. Пытаясь проникнуть в школу, русский агент не сможет миновать эту деревню. Очевидно, что попытка его внедриться в среду людей, обслуживающих школу, или завербовать кого-то из них должна произойти здесь, в Кропшине, на виду у майора.

Доступ в комендатуру имели старик истопник и этот парнишка, так много рассказавший ему о русских птицах.

За стариком внимательно наблюдали, а парнишку он исключил после довольно долгого с ним общения. Вначале он вызывал подозрения, но он был все время на виду, с жителями не общался и вообще был явно аполитичным, что майор относил за счет его ограниченности. Кроме того, майор всегда был невысокого мнения о способностях детей быть разведчиками. Детское неумение управлять эмоциями позволяло легко распознать ребенка-агента. Этот Паша был для майора ясен: его спокойствие и независимость не могли быть игрой.

Появление в деревне юродивого развеселило майора. Он не ожидал, что русский агент может появиться столь театрально. А то, что это разведчик, майор почти не сомневался.

Однако проходили дни, а юродивый сидел на месте, никакой активности не проявлял, мальчик вел себя обычно и не пытался установить контакт ни с кем из взрослых жителей села. Замечено было, что он встретился однажды с Павлом, но это не было похоже на завязывание отношений, а сам Павел, когда майор осторожно прощупывал его, отзывался об этом мальчике да и об остальных деревенских детях с величайшим презрением.

Шли дни, и майор начал сомневаться. Правда, была возможность ночных встреч, но проследить за этим оказалось трудно. Кроме того, ветеринар не походил на русского резидента, он занимался только своим делом, в знакомствах был ограничен, крайне нелюбопытен, и поведение его после появления юродивого совершенно не изменилось.

Юродивый сидел безвылазно в своем доме, и это больше всего раздражало майора. Он видел этого человека всего один раз, в первый день, у школы, а ему хотелось рассмотреть его поближе. Он не любил поединков вслепую. Это может быть интересно, если ведешь игру с человеком, находящимся на расстоянии, в другой стране, например. Но когда противник рядом, где-то за спиной, притаился и никак себя не проявляет — тогда лишаешься уверенности, начинаешь нервничать и трудно не сделать промах.

Следовало вынудить русского разведчика действовать. Если это был русский разведчик...

Краузе обдумывал, как лучше провести такую провоцирующую проверку, когда произошла стычка с партизанами, и Курт, этот кретин и садист, устроил совершенно бессмысленный кровавый спектакль.

Ведь было не исключено, что партизаны появились для связи с юродивым. Это особенно вероятно, если вспомнить тех четверых с рацией, которых пришлось уничтожить в лесу. Тогда Краузе полагал, что они и есть группа, нацеленная на него. Теперь он понимает, что это была лишь группа связи. Юродивый появился сразу же после ликвидации группы, видимо рассчитывая, что она цела. И теперь ему нужна связь.

Русские перебрасывают сюда партизан, а Курт зверски уничтожает пленных, ничего от них не добившись. Кроме того, этот идиот собирался сжечь полдеревни — и, возможно, сжег бы русского разведчика, испортив майору всю игру. Гестапо расценило бы этот случай как предательство интересов Германии, но Краузе видел здесь лишь проявление идиотизма. Тем не менее рапорт о необходимости отправки обер-лейтенанта на фронт был майором уже подписан.

Вся эта история толкнула майора на активные шаги: он решил ускорить проверку юродивого.

Если майор не ошибался...

Во всяком случае, Краузе выставил вокруг деревни секретные посты, чтобы перехватить возможных связных между партизанами и деревней.

Сейчас майор сидел за своим столом в кабинете и снимал шкурку со снегиря. Такая работа всегда успокаивала Краузе и давала возможность обстоятельно думать.

Краузе был орнитологом-любителем. Это увлечение

началось давно, когда он выполнял одно деликатное задание, связанное с англичанами. Тогда ему пришлось некоторое время работать под видом зоолога на орнитологической станции на острове Гельголанд. Краузе увлекся наукой о птицах, начал заниматься ею всерьез и даже опубликовал в одном специальном английском журнале статью «К вопросу о внутривидовой изменчивости обыкновенной овсянки». Дома у него хранилась большая коллекция птиц и птичьих яиц. И здесь, в России, он не оставил любимое занятие.

На стеллаже в углу кабинета стояли большие картонные коробки, сделанные для него по специальному заказу. В них на ватной подстилке хранились аккуратно набитые и снабженные этикетками тушки российских птиц. Эти коробки были предметом особого внимания майора Краузе.

В дверь постучали, и унтер-офицер доложил, что русский доставлен.

21

Сергея втокнули в комнату, и дверь за ним закрылась. Он мельком увидел стол, сейф, стулья... Нельзя было осматриваться, это противоречило поведению, разработанному еще в Ленинграде на случай ареста. Тупой испуг — вот что он должен был сейчас испытывать. Причины для испуга были — Лешку они увели в другую комнату. Сергей сжался и опустил голову. Спина его вздрагивала. Есть ли кто-нибудь в комнате? Сейчас нельзя было проявлять никакого любопытства. Такое поведение позволяло дольше и убедительней вести игру. Наверно, за ним наблюдают, но об этом не надо думать. Тупость, тупость, тупость! Отсутствие мысли и испуг. Я — животное! Я — боюсь! Я не умею думать! У меня течет слюна, потому что челюсть отвисла, а язык неподвижен. Тупость, тупость, тупость! Но не переиграть... Можно сделать шаг, надо увидеть что-то блестящее...

Он шагнул к столу, засопел. На столе лежало... Не надо думать — что. Блестит — интересно.

За спиной послышалось движение.

«Я не должен этого слышать», — сказал он себе и еще ближе подвинулся к столу, где лежали блестящий

скальпель и ножницы. Он вытянул руку, пальцы его шевелились.

Еще движение за спиной, и сразу негромко:

— Не оборачивайтесь!

Сергей замер лишь на мгновение, потом медленно повернулся и, увидев майора, подался назад, тупо и испуганно глядя ему в грудь.

Майор, мягко улыбаясь, наблюдал за ним. Сергей засуетился, замычал, повернулся и пугливо коснулся ножниц пальцем. Они были холодные, и он непритворно вздрогнул. Потом прижал ножницы пальцем, подвинул их по столу. Майор сбоку следил за его лицом.

— Возьмите, — сказал он.

Сергей убрал руку и посмотрел на майора. Тот кивнул на ножницы:

— Возьмите, возьмите!

Сергей тронул пальцем скальпель и довольно замычал.

— Ну хорошо, — сказал майор, — садитесь.

Сергей разглядывал пуговицы на мундире майора.

— Я пока не прибегаю к помощи врача, — сказал Краузе, усаживаясь на стул и доброжелательно глядя на Сергея, — вы сами понимаете, что специалисту нетрудно установить в вашем поведении симуляцию. Но после этого мне уже ничего другого не останется, как передать вас гестапо. Я понимаю, вы можете предпочесть ореол мученика измене присяге. Я вам предлагаю третий путь. Вы не раскрываете себя, и я вас не арестую.

Майор говорил, не спуская пристального взгляда с лица Сергея, и под этим взглядом трудно было владеть лицом, как трудно не морщиться в луче света. И нельзя было не слушать, что говорит Краузе. Понимая, что сейчас он не выдержит долгого напряжения и лицом выдаст внимание, Сергей двинулся от стола в угол комнаты, но испуганно обернулся, посмотрел на майора, бормотнул невнятно и остановился у сейфа.

Майор говорил, глядя на Сергея:

— Более того — я помогу вам. Вам нужна какая-то информация. Я сейчас выйду, а вы напишете вот здесь, что именно интересует ваше начальство. Без моей помощи вам задание не выполнить. И никто, кроме нас двоих, об этом разговоре не узнает. Вы получите ин-

формацию от меня. Ваша разведка будет довольна, имя ваше не пострадает, вы сможете вернуться к своим.

Сергей не ожидал от Краузе такой дешевки! Но это было только начало.

— Вот здесь бумага, перо. — Майор встал. — Я приду через пять минут. Я постучу, вы успеете надеть свою... э-э-э... чересчур эффектную маску. А через год вы и сами забудете про то, что писали.

Майор добродушно засмеялся и вышел.

Сергей по-прежнему разглядывал сейф. Вероятно, есть же глазок, через который за ним наблюдают. Но за пять минут можно незаметно оглядеться. Ага, вот ящик со стружкой. Пашка его обшарил и ничего не нашел. Что это за коробки? Странно... Двенадцать штук, картонные, обклеенные по сгибам дерматином. Жаль, но открывать нельзя.

Когда, постучав, вошел майор, Сергей стоял у шкафа и трогал медные ручки.

Майор подошел к столу и посмотрел на пустой лист бумаги.

— Та-ак... Хорошо!

Майор подошел к Сергею, крепко взял его за локоть, посадил на стул лицом к столу, а сам сел за стол. Не спуская глаз с лица Сергея, он позвонил в бронзовый колокольчик, которым, наверно, сторож звонил раньше на уроки. Сергей впился глазами в блестящий колокольчик, бормоча и шевеля пальцами.

Дверь за спиной открылась.

— Вы начали с ним заниматься? — спросил Краузе.

— Да, герр майор, — по-русски сказал кто-то.

Сергей собрал все силы, понимая, что начинается главное испытание.

Тупость, тупость! Я — животное! Я ничего не понимаю! Кругом пусто!

Комната, и стол, и колокольчик на нем расплылись, стали нечеткими, он постарался не слушать, но слова все-таки проникали в его сознание.

— Поработайте с мальчиком, — кому-то говорил майор, вглядываясь в Сергея, — если он не скажет сам, заставьте его говорить. Мы здесь услышим крик?

— Да, герр майор.

«Мерзавцы!» Сразу все вокруг и лицо майора стало четким, выпуклым... И тут он понял, что этот обострившийся, короткий, но осознанный взгляд выдает его. За-

ставить себя не слышать ничего! Ни слова! Считать! Десять на два — пять. Пять и два — семь. Семь и пять — двенадцать. Двенадцать на два — двадцать четыре...

И больше он уже ничего не слышал. Он весь ушел в этот счет, мокрые от слюны губы шевелились, он смотрел на колокольчик и не видел его. Он уже ничего не видел и не слышал, ничего не было в его голове, кроме цифр, бессмысленных чисел, они цеплялись друг за друга, прыгали, сплетались в нескончаемую цепь... Он не знал, сколько прошло времени.

Рука, крепко ухватившая его плечо, вернула Сергея в эту комнату. Ему повернули голову, и он увидел новое лицо. Человек оттянул ему веко, а другой рукой водил взад-вперед перед его глазами блестящий молоточек. Сергей невольно стал следить за молоточком, но потом заставил глаза остановиться. Он увидел пуговицу на мундире этого человека.

Тот теперь щупал его пульс. Сергей замычал, потянул руку — сердце бьется бешено, надо не дать сосчитать пульс! Сейчас его разоблачат, с этим уже ничего не поделаешь, поэтому — спокойно. И не думать о мальчике!

Ему положили ногу на ногу, ударили молоточком... Сергей завизжал, дернулся и упал на пол. Его поднимали, он отталкивал руки, вращал глазами... Его поставили на ноги, он дрожал. Как сквозь вату, он услышал разговор по-немецки.

— Не могу утверждать, что он здоров, — сказал новый голос.

— Значит ли это, — спросил Краузе, — что симуляция исключается?

— Я не могу поставить точный диагноз — симптомы не совпадают с описанными случаями, но на симуляцию не похоже. У этого человека нет сознания в обычном смысле слова. Самовнушением такие состояния не достигаются.

— Странно... Хорошо, я вас больше не задерживаю. Врач ушел, а Краузе подошел к Сергею и крепко взял его за подбородок. Он заставил его поднять голову и пристально посмотрел в глаза. Сергей смотрел мимо его глаз. Краузе оттолкнул его и отвернулся.

Сергей был настолько измотан, что не смог ощутить торжества.

Когда солдаты увели юродивого, врач вернулся в кабинет Краузе.

— Ну а что вы думаете в действительности? — спросил майор.

— По всей видимости, нормален. Но симулирует прекрасно.

— Да, приятный партнер... Скажите, в работе вам приходится пользоваться интуицией?

— Сплошь и рядом.

Краузе засмеялся и похлопал его по плечу.

— Я всегда думал, что в наших профессиях много общего.

Майор наблюдал в окно за юродивым. Тот кружил около ворот, пока часовой не прогнал его ударом приклада.

Солдаты привели Лешку в комнату и оставили одного. Лешка ждал, что сейчас придут его пытаться, и мысли у него путались от страха. Однако минуты шли, а никто не приходил.

В комнате стояли стол, шкаф и два стула. В окне была решетка. Сердце у Лешки замирало, когда в коридоре раздавались шаги — вот идут за ним, вот сейчас...

Ну почему он не послушался Сергуню и не убежал? Он и сам не знал, что заставило его остаться. Когда он услышал за стеной, в доме, верещание Сергуни и представил, как солдаты бьют его коваными сапогами, он остановился и повернул назад. Он не знал, что чувство, которое заставило его забыть о себе и идти на помощь Сергуне, называется отвагой.

Теперь опять до него долетел приглушенный стенами Сергунин визг. Это было жутко: весь дом полон тишины и неизвестности, и только где-то в его нутре, в комнате пыток, нечеловеческий крик. Лешка метнулся к двери — она была заперта. Он бросился к окну, но из него была видна только часть глухого забора. Никто не мог теперь спасти его, он у фашистов в руках, и он один.

И Лешка заплакал. Слезы брызнули из глаз, словно они шли из него под напором. Он рыдал, не сдерживаясь, и все плотней прижимался к стене вздрагивающим телом.

И тут открылась дверь: кто-то вошел. Лешка не мог

сдержать громкого судорожного всхлипывания. Человек обогнул шкаф и остановился перед Лешкой. Это был Краузе.

— А почему ты плачешь? — Краузе удивленно поднял брови.

Лешка отчетливо вспомнил, как студент театрально-го института, похрустывая пальцами, раздраженно говорил: «Ты маленький испугавшийся мальчик. А мальчики от испуга плачут. Я понятно говорю?» И оттого, что так вовремя и без всяких усилий у него получились слезы, Лешка как-то успокоился.

— Тебя кто-нибудь обидел? — снова спросил Краузе.

— Почему Сергуня кричит? Не бейте его, он ничего не сделал!

— Его не бьют. Ему сказали, что тебя будут бить, и он рассказал мне все, что я хотел узнать. Правда, он сказал, что встретил тебя на дороге, ты потерялся и был без родителей, и он тебе предложил поиграть в игру, будто он дурачок. Но я не думаю, что он встретил тебя на дороге. Он обманул меня.

«Всегда говори свою легенду, как бы тебя ни пытались запутать», — вспомнил он слова Сергуни.

— Сергуня не может говорить, он больной, — сказал Лешка.

— Он рассказал, как вас забросили через линию фронта. И что вы не нашли в Сотниковом бору группу с передатчиком. Нам пришлось их убить незадолго до вашего прихода... Ну и так далее. Я тебе все это рассказываю, чтобы ты зря не мучился. А вообще мне от тебя ничего не надо.

Неужели Сергуня все рассказал?! Да нет же! Сергунин крик раздался несколько минут назад, значит, он еще играл свою роль. Когда же он успел бы все рассказать, если Краузе здесь уже минуты три? Краузе обманывает.

— Но поскольку Сергей не назвал твою фамилию, ты мне ее скажешь сам. И тогда я тебя отпущу.

— А Сергуня? — вырвалось у Лешки, и он испугался, что сказал неправильно. Но лицо у Краузе было спокойное.

— А я его уже отпустил. Он мне больше не нужен. Ну, так как твоя фамилия?

— Кашин.

— Где ты встретился с Сергеем?

— А мы вместе жили в Гдове, он же мамин родственник. Он мне вроде дяди.

— Вроде дяди... — Краузе усмехнулся, — а почему ты мне говоришь неправду?

— Я правду говорю! Спросите кого хотите. Зачем мне вас обманывать?!

Лешка вошел в роль и говорил очень искренно, может быть, оттого, что ему очень хотелось, чтобы Краузе ему поверил. Но майор насупился и покачал головой.

— Ты врешь, и мне придется делать тебе очень больно, пока ты не скажешь правду. Есть всякие способы делать больно, ты знаешь, наверно... — Краузе достал зажигалку, зажег ее и поднес к лицу мальчика. — Вот самый простой.

— Дяденька майор, не надо меня пытаться, ну пожалуйста, я вас очень прошу, не надо, я вам правду говорю!

Лешка схватил руку Краузе, державшую зажигалку перед его лицом, и, сам не понимая, как это получилось, задул огонь.

— Ой, простите, я случайно! Я больше не буду! — Лешка сам испугался. — Дяденька майор, ну пожалуйста, я же все равно ничего другого не смогу сказать, только правду!

Краузе крайне удивило, что Лешка задул зажигалку. Во всяком случае, лицо у него было непритворно озадаченное. Он приподнял Лешкину голову за подбородок и долго смотрел в его глаза, которые излучали мольбу и только. Потом Краузе вздохнул и посмотрел в окно.

— Ну хорошо, мальчик Кашин, можешь идти. Приходи как-нибудь ко мне. Я люблю разговаривать с детьми. Придешь?

— Не знаю... — Лешка растерялся.

— Ну вот, скажем, в пятницу. Приходи утром. Часовой будет предупрежден.

— Хорошо. Раз вы велите...

— Я тебя просто приглашаю в гости. Ну, иди.

Краузе открыл дверь и смотрел, как мальчик пошел по коридору, еще не уверенный, что свободен, боясь, что вдруг распахнутся боковые двери и вташат его в окровавленную комнату... Конечно, если бы применить к не-

му методы обер-лейтенанта, он бы заговорил. Но этого как раз и следовало избегать в той игре, которую вел майор.

А может быть, этот мальчик ничего не сказал бы и под пыткой? Потому что он не простой мальчик. В какой-то момент он чуть не убедил майора в его ошибке насчет юродивого. И если бы не заключение врача, майор был бы готов поставить свое прекрасное охотничье ружье английской фирмы «Голанд-Голанд» против этого вот веника, что мальчик говорит ему правду, — такой искренностью дышало его лицо.

22

Сергей лежал во времянке на сене, закрыв глаза и стараясь быстрее набраться сил после страшного напряжения. Голова раскалывалась.

Скрипнула дверь, и, прежде чем он успел поднять тяжелые веки, на грудь ему бросился всхлипывающий Лешка. Он охватил Сергея за шею, прижался мокрым лицом к его щеке и сжимал руки, шепча:

— Сергуня, Сергунечка...

— Что они сделали тебе? — Сергей боялся увидеть на лице или руках мальчика следы пыток.

— Ничего. Он сунул мне зажигалку к лицу, а я ее задул.

— И что тогда?..

— Он меня отпустил.

Сергей заставил Лешку восстановить разговор со всеми деталями и сопоставил оба допроса. Получалась не очень понятная картина.

— А тебя сильно били? — спросил Лешка.

— Меня не били. Как ни странно, обошлось.

— Они не догадались?

— Ты знаешь, похоже, что нет. Но все равно сейчас надо особенно остерегаться. С Пашей и Женей встречаться так, чтобы никто не видел. И сюда никому из них больше ходить нельзя.

Сергей задумался.

Вероятней всего, Краузе поверил в свою ошибку, признал Сергея за невменяемого. Однако осторожность терять нельзя.

Хорошо, что с самого начала Сергей приказал Жене

распустить его отряд и не посвящать ни во что Семку и Виталия. В случае провала — меньше жертв. А с Пашкой встречи обставлялись достаточно надежно, на него, видимо, нет подозрений.

Теперь, что делать завтра? Завтра четверг, и майор Краузе отправится вечером на скотный двор на встречу с предателем.

Завтра надо сделать многое. Вечером Краузе не будет в школе, и Пашка сможет поискать тайник в его кабинете. Надо будет проверить эти коробки, хотя и маловероятно, что картотека там, — слишком на виду.

Затем — скотный двор. Очень тревожил Сергея человек, который завтра придет туда. Он ведь где-то здесь, в деревне, он наблюдает за Сергеем, он неизвестен, поэтому невидим. Он единственная нераскрытая карта в игре с Краузе. Завтра ее нужно открыть.

На скотный двор пойдет Женька. Он спрячется там еще засветло и должен будет увидеть этого человека.

Послезавтра пятница, у Житухина банный день. Сергею придется встретиться с ним. К пятнице карточка изменится, возможно, она и сейчас уже изменила цвет, но лучше на нее не смотреть до пятницы, чтобы легче заметить посветление. Ну а если карточка не посветлеет и в пятницу, что тогда делать с Житухиным? Ну посмотрим, нечего заранее гадать.

Лешке пришлось, как стемнело, сходить к Пашке. У них был разработан сигнал, по которому Пашка выходил в огород и там встречался с Лешкой. Из дома их видно не было, в огороде никто не мог спрятаться, а другие дома были не близко. Встречи их благополучно происходили под носом у немцев, квартировавших у Пашкиной бабки.

Лешка передал задание Сергея на завтра, сказал про коробки.

— Да он там тушки птичьи держит! — сказал Пашка. — Он мне открывал, показывал. Лежат рядком...

Пашка вдруг замолчал.

— Ты чего?

— Ух ты! — прошептал Пашка. — И верно: я один раз взялся за коробку, а она уж больно тяжелая. А тушки-то легкие! Я это дело завтра раскурочу, будь спок!

— Сергуня велел осторожно.

— А то! Ты вот чего: вечером приходи к школе с заду, за конюшней. Там жимолость густая и репьев полно, легко сховаться. Лежи и жди. Во дворе там уборная, если я что найду, я тебе вынесу и за уборной в щель передам. Понял? Тикай, дверь хлопнула!

Когда Лешка передал разговор Сергею, тот рассердился. Пашка расковыряет эти коробки, там наверняка ничего нет, и майор, естественно, догадается, что это Пашкина работа. Или подумает на Житухина. И то и другое плохо. Снова посылать к Пашке промокшего мальчика не хотелось. Придется завтра днем запретить Пашке всякую самостоятельность, хотя днем риска больше. Днем еще надо будет передать Женьке насчет скотного двора. У Лешки завтра много работы, и как бы парень не расхворался к тому же.

Сергей напоил его кипятком с сушеной малиной, тепло укрыл и лег рядом. Дождь к ночи перестал, в окно виден был кусок неба, густо усыпанный звездами.

— Хорошо бы у нас собака была, — прошептал Лешка, — мы бы ее кормили. Лежала бы тут...

— Хорошо бы собаку, — сказал Сергей. — Вот выгоним фашистов, наладим жизнь и заведем с тобой большую лохматую собаку.

— А где мы тогда жить будем?

— В Ленинграде, на Васильевском острове. Будешь собаку выводить гулять, зимой она на лыжах может тебя катать.

— А летом втроем будем ходить на залив купаться!

— Да. Развалимся на песке, загораем, а собака лежит рядом, смотрит на нас...

— И хвостом помахивает, — прошептал Лешка.

Они замолчали. Печка потрескивала, остывая. Под полом завозилась мышь.

— Сергуня... — еле слышно прошептал Лешка.

— Что, дружок?

Лешка не ответил, подвинулся и крепко прижался к Сергею.

23

День с утра был ясный и холодный. Лешка чувствовал себя хорошо, даже насморка не было, и Сергей наказал ему побольше играть на улице с младшими ре-

бятишками и высматривать Пашку. Надо было незаметно предупредить его, чтобы не трогал коробки. Но Пашки не было видно. Из школьных труб шел дым, значит, Пашка там — топит печь.

Женьку Лешка встретил на улице, тот вез на тачке старые кирпичи — собирался перекладывать печку. Он в семье был единственным мужиком — так он говорил, но Лешка знал, что ему только исполнилось четырнадцать, какой там мужик! Женька остановился отдохнуть, а Лешка, оказавшийся рядом, скороговоркой, глядя в сторону, передал ему приказ Сергея насчет скотного двора.

— Ладно, — процедил Женька, — сделаю.

Он дал Лешке пинка — мог бы и без такой маскировки! — поплевал на руки, взялся за ручки и покати тачку дальше.

Колька Козодой и двое-трое из мелкоты устроили на пустыре качели: достали где-то доску-горбыль, положили ее на пень и качались. Ребята не могли не играть, поэтому играли и при немцах, но только вели себя тише, посматривали по сторонам — не идет ли какой-нибудь солдат. В доме деда Никифора жили несколько солдат и среди них здоровый, рыжий, по имени Руди. Однажды Семка выскочил из-за угла и натолкнулся на пьяного Руди. Рыжий так избил Семку, что мальчик дня три отлеживался дома.

Лешка подошел к качелям, Козодой принялся ему рассказывать, что немцы забрали у Шамуриных корову, а когда Шамурин пошел жаловаться старосте, тот велел полицаям опалить Шамурину бороду. У старосты сегодня гости — пять телег стоят у ограды, полицаи приехали из дальних деревень. Пить будут, конечно, как всегда, когда собираются.

— А чего они понаехали? — спросил Лешка.

— А бис их знает! — сказал Козодой и вдруг хитро прищурился. — Узнать хочешь? Я могу. А? Узнать? Нет?

— А чего мне узнавать-то? Очень надо!

— А, вы темнылы, вот вы кто! — рассердился Козодой. — Думаете, я не понимаю, как партизаны узнали, что машина поедет? Думаешь, не знаю?

— Ну, как? — тихо спросил Лешка.

— А так! Ладно, не хотите меня принимать, нештук, я сам в партизаны уйду!

— Ну и иди, — Лешка успокоился, ничего этот болтун не знает.

— А ты сам слабак! — не унимался Козодой. — А у меня, знаешь, какая сила воли?! Вот посмотришь...

Колька побелел, губы у него дрожали, он отошел с зловещим видом.

— Болтун — находка для шпиона, — на всякий случай сказал ему вслед Лешка. Кто его знает, может, он что-то разнюхал про все их дела — сболтнет еще...

Пашки все не было, Лешка сильно замерз и пошел домой греться. Евдокия Ивановна зазвала его к себе. У нее был суп из сушеных грибов, Сергуне она уже отнесла, а теперь покормила Лешку. С ветеринаром у Евдокии Ивановны отношения были натянутые. Гаврин сам себе готовил до прихода Сергуни и Лешки, потом они стали питаться втроем, но кое-как — наварят картошки, и то хорошо. В последнее время Евдокия Ивановна стала подкармливать Лешку, да и во времянку иногда носила. Она была все такая же суровая, но, когда Лешка ел у нее, сидела, подперев голову кулаком, смотрела на Лешку и вздыхала...

— Спасибо, тетя Дуня, — сказал Лешка и облизал ложку.

— Не за что, — строго сказала старуха, — посиди. Все бегаешь... В такие времена дома надо сидеть.

— Пойду поиграю, — сказал Лешка.

— Да уж теперь какие игры! Вон, говорят, под Волюшовом немец семь деревень спалил. Всех побили, и детей, и баб. Сидеть надо и носа не казать!

Лешка потоптался, шмыгнул носом.

— Я пойду, тетя Дунь?

— Полицаев понаехало, нажрут, стрельбу устроят... Ты подальше держись.

— Ладно!

Лешка побежал на улицу. Утро было солнечное, а днем небо затянулось сероватой мглой, и с востока низко над лесом стали вытягиваться темные, рваные облака.

Приехал из Сухова ветеринар, отвел лошадь, пошел домой. А Пашки все не было. Наверно, его там обедом накормили, так уже бывало, вот он и сидит. А может, расковырял коробки, и его схватили?

Они стояли с Семкой и Виталием у бывшего ларька сельпо, давно заколоченной избы. За ларьком начинался

подъем на гору, к школе. Лешка вертелся гут полдня, надеясь услышать, если что произойдет в школе с Пашкой.

Семка и Виталий говорили, что надо бы все-таки уйти в партизаны. Если бы Женька не откололся... Лешка в разговор не вмешивался, а ребята обсуждали этот вопрос скорей по привычке. Трудно так вот взять и уйти из теплого, сытного дома в лес, холодный, пустой, неприятный... Пока там партизан найдешь! Заговорили о том, что можно и в деревне что-то делать. Хотели же прокалывать шины у машин, можно поджечь школу, ну, если не школу, так конюшню!

Но в память навсегда врезалась жуткая расправа над партизанами. Кровь стыла, стоило вспомнить страшную «игру в городки»...

На горе послышался какой-то глухой шум. Все трое обернулись.

Сверху по крутому травянистому склону катилась бочка. Она набирала скорость, стала подпрыгивать на камнях, гулко стуча по земле, вот она свернула в сторону, перепрыгнула через тропу, вильнула, покатилась по ровному — в сторону шубинского дома.

Ребята побежали за ней. Бочка еще раз подпрыгнула, со всего маху стукнулась о стоявшую у забора пустую телегу и застряла в канаве.

На шум из дома старосты высыпали полицаи с винтовками. Когда ребята подбежали, из бочки вылезал Колька Козодой. Он весь был в сене и какой-то трухе, ноги у него тряслись, он качался и расставлял руки — видно, здорово его закрутило. Полицаи окружили его. Лешка протиснулся поближе. Смуглый полицай, который вез когда-то Сергуню и Лешку, держал Кольку за шиворот, а Колька уже ревел в три ручья.

— Я не буду-у... Я случайно, дяденька! А-а-а...

Виталий пролез между полицаями, схватил Кольку за руку.

— Дяденька, отпустите! Вот его мамка сейчас выпорет, отпустите, дяденька!

Полицаи загоготали, кто-то дал Кольке подзатыльник, и Виталий вытащил Кольку из толпы. Они с Семкой для вида накинулись на Кольку, толкали его, ругали и понемногу отводили от полицаяев.

— А пусть он знает, что... — хныкал Колька, — что у меня... сила воли есть...

— Заткнись, холера, — прошипел Виталий.

Лешка стал выбираться из толпы полицейских, от которых несло перегаром. Он зацепился рукавом за приклад чьей-то винтовки, освободился, бормоча извинения, полицейский обернулся и посмотрел на него. И тут Лешка увидел его лицо. Это был Матвей. Тот самый, долговязый, с длинным лицом, Матвей, который привел их в Сотников бор.

Матвей смотрел на Лешку, и лицо его делалось каким-то задумчивым. Лешка отвел глаза, увидел повязку на рукаве Матвея, винтовку на плече.

— Эй! — негромко позвал Матвей, и что-то жалкое проскользнуло в его взгляде.

Лешка, еще ничего не понимая, но чувствуя, что произошло непоправимое, сделал рукой слабый жест — «Нет, нет... не надо» — и попятился.

Матвей быстро, воровато оглянулся, снова посмотрел на Лешку, потом сплюнул, поправил на плече винтовку и направился к дому.

Лешка пошел прочь, стараясь не бежать. Когда он обернулся, полицейский толпой поднимались на крыльцо, и Матвея он уже не разглядел.

Дома Сергуня выслушал его, встал и потрепал Лешку по голове.

— Ну вот, Алеша, надо уходить.

Он достал из тайника продовольственную карточку и задумался. Засунул ее обратно и стал одеваться.

— Позови дядю Гришу, — сказал он.

Когда Лешка вернулся с ветеринаром, Сергуня был уже готов.

— По всей видимости, мы раскрыты, — сказал Сергуня. — Возможно, у нас есть еще немного времени. Уйдите к партизанам.

— Как?! — Гаврин взмахнул руками и сел. — Как я их найду?

— Из деревни выедете на телеге, скажете — на вызов. Только быстрее. — Сергуня обернулся к Лешке. — Пашка где?

— В школе сидит.

— А, черт!.. У вас когда встреча?

— Как стемнеет.

Сергей посмотрел в окно и сказал ветеринару:

— Доезжайте до моста, остановитесь и чините ко-

лесо. Ждите Павла, с ним уйдете к партизанам. Если к десяти вечера его не будет, поезжайте на кордон, к Самохину. Я буду там.

— У немцев посты стоят вокруг деревни, — сказал Гаврин.

— Сейчас они вас пропустят, пока нет тревоги. Поторопитесь!

— Эх-хе-хе!.. — Гаврин сокрушенно покачал головой и развел руками. — Ну, прощайте тогда... Будь она неладна!

Он ушел.

— Леша, — Сергуня взял его за плечи, — мы временно расстаемся.

— Почему?!

— Слушай внимательно. Сейчас пойдешь к школе и будешь ждать Пашку в том месте, где условились. Пусть он доберется до моста, найдет Гаврина и доведет его к партизанам. Женька говорил, что тропой у реки пройти можно, постов нет. Я тоже там пойду. Потом проберешься к Жене в сарай и дождешься его. По той же тропе уйдете из деревни и придете к Самохину. Мне надо узнать, с кем встретится Краузе. Завтра, если их не хватятся, Пашка с Женькой в деревню вернутся. А мне надо будет поговорить с Житухиным.

— А к партизанам мы не пойдём?

— Потом пойдём. В общем, там разберемся, когда встретимся.

— А если Пашка документы вытащит?

— Да ничего он не найдет! — Сергей задумался. — Но если он что-нибудь достанет, пусть передаст тебе, а сам выберется из школы и делает, как я сказал. Документы передашь Жене — пусть он с ними прямо идет к партизанам. На всякий случай: вместе с документами пусть Никитич передаст на Большую землю: «Карточки агентов освещены. Игнатий». Но это маловероятно. В любом случае придешь ко мне на кордон.

Они были уже во дворе, у забора.

— Так, что еще?.. Кажется, все. Будь очень осторожен, Леша, помни все, чему тебя учили, и не торопись. Ты — разведчик, будь внимателен и не бойся.

— Оружие брать?

— Нет времени. Ничего, все будет нормально. Ну!

Сергей прижал к себе Лешку, поцеловал его и подтолкнул к забору.

— А может, Матвей здесь от партизан, в разведке? — спросил Лешка.

— А если нет? Иди, Леша, до встречи.

В темноте Лешка не видел его лица, но почувствовал, что Сергей улыбнулся. Лешка перелез через забор, но, прежде чем войти в густой кустарник, обернулся. Он увидел, как мелькнула над забором бесшумная тень, потом слабо треснул сучок, и стало тихо.

24

Пашка действительно весь день просидел в школе. Сначала топил печи, потом слонялся без дела, сидел у Житухина. Играли в карты — в дурачка.

Житухин шепотом сказал, что есть еще задание на карточки для десяти человек и что он их отпечатает, как договорились. Житухин громко шептал, и глаза у него горели азартом.

— Передай, — шептал он, — что я теперь основной фон усиливаю, он через несколько дней потемнеет, а печать выцветет. Это будет исключительно заметно!

— Ладно, вечером передам, — сказал Пашка. Он ждал своего часа, был вял и неразговорчив.

Когда стемнело и пришло время топить вторично, Пашка оживился. Он зашел в комнату Краузе, чтобы растопить печь, но майор одевался и выгнал его. Пашка растапливал вторую печку в коридоре, когда Краузе прошел мимо него. Майор был в теплой куртке и меховой шапке.

Обер-лейтенант Курт последние дни из кожи вон лез, чтобы выслужиться перед майором. Он работал и вечерами, все время попадался майору на глаза с озабоченным видом и какими-то бумажками в руках. Сейчас он проводил майора до двери, услужливо распахнул ее. Майор брезгливо поблагодарил.

Обер-лейтенант ушел в свою канцелярию, а Пашка подождал немного и с ведром и совком в руках пошел в кабинет майора. По коридору, заложив руки за спину, прохаживался дежурный унтер-офицер с большой кобурой на поясе. Пашка деловито открыл дверь в кабинет, вошел. Было темно, он зажег керосиновый фонарь и поставил его на пол. Дрова и растопка были сложены загодя на железном листе у печи. Пашка стал

выгребать золу в ведро. Выгреб до половины и прислушался. Шаги были далеко, в той стороне коридора.

Пашка бесшумно метнулся к коробкам, торопливо открыл верхнюю. В ней рядами лежали тушки синиц. Пашка подцепил ватную подстилку, отогнул ее — ногой скребнул по картонному дну. Пашка и так вертел коробку, и смяк, пока догадался смерить ее глубину. Сверху палец уходил в нее до половины. А когда приложил палец снаружи, то сразу увидел: коробка была толстой, почти на всю длину пальца. Значит, двойное дно.

Шаги дежурного были уже у самой двери, Пашка прикрыл коробку и бросился к печке. Стал догребать золу. Дверь открылась, дежурный посмотрел на Пашку, обвел глазами комнату и закрыл дверь.

Шаги стали удаляться — Пашка снова был у коробки. Он достал из кармана короткий сапожный нож и резанул внутри вдоль стенки коробки. Торопясь, отогнул картонное дно и просунул палец...

Есть! Он выдрал дно, тушки посыпались на стеллаж. Под верхним дном лежали стопки бумаг. Бросились в глаза фотокарточки, как на документах. Он выгреб бумаги и стал вскрывать вторую коробку, потом третью. Документы были во всех! Особенно много в четвертой. Возясь с шестой коробкой, он услышал в глубине школы четкие шаги обер-лейтенанта.

Пашка сгреб тушки, вывалил их кое-как в коробки, закрыл и наспех поставил друг на друга.

Шаги были уже рядом! С охапкой бумаг в руках он добежал до печки. Шаги остановились, Курт что-то коротко сказал и взялся за ручку. Пашка сунул весь ворох бумаг в топку, как можно дальше.

Обер-лейтенант вошел и посмотрел на Пашку, который сидел на корточках и засовывал в печку щепки. Обер что-то недовольно пробурчал и подошел к шкафу. Стал перебирать в нем папки.

Пашка не мог дольше тянуть, надо было разжигать.

Страх не было, был азарт. Так бывало раньше, в драках против двоих или троих. Его охватывала холодная ярость — он лез на кулаки, бил зло и побеждал.

Обер, насвистывая, листал бумажки. Пашка зажег спичку и поджег кусок бересты. Потрескивая, занялся огонь. Пашка стал раздвигать щепки, чтобы не слишком разгорелось.

Обер пошел к двери, не закрыв шкафа. В руках у него была какая-то папка. Он опять недовольно посмотрел на Пашку и вышел, оставив дверь в коридор открытой.

Пашка протянул руку над огнем и стал вытаскивать документы. Огонь лизал руку, но Пашка вытащил все бумажки и всунул их в ведро. Зола просыпалась на пол. Наспех он разровнял золу в ведре, чтобы закрыла бумаги.

Обер уже возвращался, и Пашка торопливо насовал в печку дрова. Курт вошел, и Пашка кряхтя поднялся. Фашист показал ему на просыпанную золу и что-то сказал, видно, сердился.

— Сейчас, не все сразу, — спокойно сказал Пашка и показал на полное ведро, — вынесу вот...

Он вышел во двор и прошел за уборную, к забору.

— Эй!..

— Я тут! — прошептал Лешкин голос.

— На, бери! — Пашка стал просовывать бумаги в щель между досками. — Там еще есть, сейчас схожу.

— Сергуня велел тебе к мосту идти, там Гаврин ждет. По тропе у реки постов нет. Гаврина к партизанам отведешь.

— Куда идти?! Я еще дело не сделал!

— Это приказ! — звенящим шепотом сказал Лешка. — Уходи немедленно.

— Ладно, — засмеялся Пашка, — наконец воевать будем!

Он еще хотел спросить, где они встретятся, но Лешка уже пробирался кустарником. Пашка был раздет, пришлось вернуться в школу за ватником. Дежурный не обратил на него внимания. Пашка оделся, вышел во двор и спокойно прошел мимо часового в воротах.

Лешка, засунув документы на грудь под рубашку, спустился в заросший жимолостью овражек, прошел по нему подальше и только там выбрался наверх, в чистый сосняк. Дул ветер, небо нависло глухое, беззвездное, было пронизывающе холодно.

Лешка остановился. Только сейчас он осознал, что в его руках те важные документы, достать которые Сергей уже не надеялся. Теперь он остался один, и все зависит от него. А если Женьку схватили, что он тогда будет делать? Может, лучше сразу идти на кордон к

Сергею? Страшно возвращаться в деревню, где их, наверно, уже ищут.

Холодно, ветрено, жутко... Вершины сосен беспокойно шумят, зловеще гудит черный бор.

Убежать? Переждать до утра?

Но был приказ идти к Женьке. И он пошел.

В деревне было спокойно. В доме Шубина шла гульба. Пьяное пение разносилось по улице. Может, Матвей и не предатель, и вся тревога зря?

Лешка пробрался в Женькин двор, бросил камешком в стену. Женька не появлялся. Лешка привалился спиной к забору, засунув оковеченные руки в рукава.

Окна в доме были темны, только в одном тлел тусклый огонек. Скоро скрипнула дверь, кто-то вышел на двор. Лешка подошел к крыльцу. Это была Таня, младшая сестра Женьки. Она испуганно ойкнула, когда Лешка позвал ее.

— Это я, Лешка. Женья дома?

— Да нету его целый день. Бис его знает, где. А ты чего бродишь?

— Ничего, так...

Таня ушла, а Лешка прошел в сарай, забрался на сеновал и лег у круглого оконца, в котором не было рамы. Отсюда он услышит, когда Женька вернется.

Лежать стало холодно, он набросал на себя сена, согрелся и незаметно заснул.

25

Женька пришел к развалинам скотного двора за светом. Долго лазил, выбирая место, где спрятаться, но не нашел: голо, одни стены. Была бы хоть какая-нибудь куча мусора, так и той нет. Осмотрел колодец. Рыли его, постепенно выкладывая камнем, но не дорыли — воды не было. Женька нашел длинную толстую проволоку, загнул один конец, проволоку спустил в колодец, а загнутый конец зацепил за каменный край. По проволоке спустился на дно.

Здание строили П-образно, колодец находился внутри этого П, и когда Женька присел на сухом дне и прислушался, то явственно услышал чирикание воробьев, летающих над развалинами. Видно, стены отражали

звук, а колодец этот звук улавливал. Правда, здесь как в ловушке — не убежать. Хорошо хоть тепло, ветер не достает.

Женька подумал, что не мешало бы взять сюда если и не автомат, то хотя бы ТТ. И чем подслушивать и прятаться, дожидаться фашистского майора и эту сволочь — предателя и расстрелять их именем советского народа.

Женька выполнял приказы Сергея все менее охотно. Занимались какой-то игрой в жмурки, а Женька хотел действовать...

Было уже совсем темно, когда Женька услышал хрустящие на битом кирпиче шаги. Человек остановился недалеко, хорошо слышно было, как он прикуривает, и Женька понял, что услышит все. Вскоре послышались шаги с другой стороны.

— Здравствуйте, господин майор. — Голос был знаком Женьке, но это не был голос кого-то из жителей деревни.

— Здравствуйте, Сирень. Что нового?

— Никто не приходил, сижу целыми днями, не отлучаюсь.

— Подождем еще. Думаю, что придет связной от партизан. Войдите к нему в доверие. Но не навязывайтесь.

— Это ясно. Будьте покойны.

— Если придут из деревни, например этот дурачок, задержите его, предложите себя для связи с партизанами. И дайте знать мне. Как вы это сделаете?

— Как и договорились: на плетень...

Опять захрустели шаги, голоса стали удаляться.

— ...повешу красную тряпку, в чердачном окне — фонарь...

Говоривший закашлялся сухим, каким-то металлическим кашлем, и тут Женька узнал его. Это был Егор Самохин, лесник с кордона!

Разговор еще слышался некоторое время, потом стало тихо. Женька подождал минут двадцать и вылез из колодца.

В деревне он пробрался к дому ветеринара, но во времянке было пусто. Такого еще не бывало! В хозяйском доме не было света, но Женька стал стучать. Старуха, разбуженная им, отчитала его, а про ветери-

нара сказала, что уехал, а куда — ей не докладывают. Про Сергуню Женьку спрашивать не решился.

Ясно было одно — что-то случилось.

Он добрался до блиндажа и вскрыл тайник. Хотелось взять автомат, но он был слишком громоздок. Женька взял две «лимонки» и оба пистолета.

И сразу почувствовал себя уверенней. Можно пойти на кордон и прикончить предателя Самохина, пока не поздно. Но куда все подевались? Это очень тревожило, и он решил подождать. Может, Лешка появится или Пашка. Он пришел к своему дому, пробрался к сараю, наверх, на сеновал, не полез, а устроился внизу, за дровами, — оттуда можно уйти незамеченным, одна доска в стене вынимается.

26

Матвей Говорухин, после того как привел Сергея и Лешку к Сотникову бору, пошел не в сторону партизанской базы, а в свою деревню. Решил отсидеться. На мостах его наверняка схватили бы полицаи, да неизвестно, выйдет ли отряд к базе. Винтовку и немецкий ремень он бросил в лесу, а сапоги пожалел.

Возвращение его было таким счастьем для жены и детишек, а дома было так покойно, что он решил отсидеться подольше.

Он прятался в хлеву, на сеновале неделю, но потом его все же углядел местный полицейай. Сутки его били смертным боем, потом сказали, что расстреляют. И пожалел Матвей, что не с оружием в руках встретит смерть.

Однако расстреливать его не спешили, предложили искупить вину и идти служить в полицию. Подумал он, подумал — что с семьей будет, если его шлепнут? И какой прок от его смерти? А так он может еще и пригодиться чем-нибудь дорогим своим товарищам партизанам...

Согласился Матвей, и пошла, закружилась постыдная, жуткая, но сытая и пьяная жизнь. И сам не заметил Матвей, как увяз во всех полицейских грехах, уже и бил он в деревнях людей, и сжег избу бывшего сельсоветчика, уже отнимал скот и, напившись до зеленых мух, безобразничал. И только иногда, с похмелья,

смотрел он с омерзением на свои руки и тяжело опускал в них опухшее лицо.

Встретив в Кропшине Лешку, Матвей сразу узнал его. И так всколыхнула его эта встреча, так резанул испуг в больших детских глазах, которые глядели на него, что Матвей, вернувшись в избу Шубина, стал пить самогон стакан за стаканом. Ему даже в голову не приходило, что он может выдать своим дружкам этого мальчонку и того хорошего парня, который сказал ему когда-то: «Так и мы не в гости к бабушке». Нет, до такого свинства Матвей еще не опустился!

Но, напившись, стал он расспрашивать Шубина, что это за мальчонка тут вертелся, Лешкой зовут, как он тут, где живет, все ли хорошо у него.

— Какой Лешка, немного, что ли? — Шубин покосился на него, разрезая пирог с капустой.

— Ну, может, и немного.

— А ты откуда его знаешь? — опять покосился Шубин.

— Да я и не знаю! Но уж больно мальчонка хороший, — Матвей вспомнил тут своих детей и как покорно тогда шел Лешка по лесам, хотя видно было, что еле передвигает ноги. — Тихий мальчонка... Люблю...

Матвей засопел, опустил голову на руки. Шубин смотрел на него.

— Оба душевные, — сказал вдруг Матвей, — тот-то, Серега, ты не думай, он хороший, душевный и ничего такого, ни-ни... Свой люди. И мы, говорит, не в гости к бабушке... А? Митяй, а ведь жизнь у нас паскудная... Сволочи мы.

— Ладно, не лайся. — Шубин подвинулся к нему. — Они душевные, точно. Давно их знаешь?

Матвей смотрел на него с ненавистью. Сказал, погрозив пальцем:

— Не знаю я их и знать никогда не знал! Понял, Митяй? Ты смотри...

Матвей выпил еще и вылез из-за стола.

Он проснулся рано, как всегда с перепоя. Голова гудела. Вышел в сени, припал к жбану с рассолом и долго пил. Потом пошел на крыльцо.

Все было бело! Тонкий чистый снег лег за ночь и покрыл деревню, поля. Рассвет только занимался, было тихо и призрачно светло. Через двор к калитке чернел одинокий след.

И тут память стала возвращаться к Матвею.

Вспомнил он Лешкины глаза, Шубина, громко дышавшего ему в ухо, разговор... Он вошел в избу. Заспанная хозяйка возилась у печки.

— Митяй где? — спросил Матвей.

— Подался куда-то спозаранок. А чего тебе?

— Куда ж это он мог?.. — Матвей лихорадочно пригладил волосы, тоскливо огляделся.

— Куда... — ворчала хозяйка, — у него служба, не то что у вас, забулдыг несчастных!

Матвей прошел в горницу, сел на кровать. Потом снова вышел.

— Слышь-ка, а где тут мальчонка живет, Лешка? Ну, с немым он... Далеко?

— А-а, эти... У ветеринара стоят. Седьмой дом по этой стороне. А на что тебе?

— Да там... — Матвей сдернул с гвоздя свое пальто, — с ветеринаром надо потолковать.

Он быстро шел по пустой еще улице, по хрустящему, остро и чисто пахнущему снегу и думал, как сейчас он поднимет их сонных, заставит одеться, спасая, выведет огородами и поведет прочь отсюда, белыми лесами, по крутым гривам и сквозным борам, поведет к своей прежней, честной и боевой жизни. Скорей, скорей, еще не поздно!

Но тут из-за избы справа вышли наперерез ему черные фигуры. Они спускались с горы, от школы, торпливо семенили, скользя на снегу.

— А-а! — громко, на всю деревню, крикнул Шубин.

Матвей перебросил себя через плетень и побежал мимо дома, по огороду, спотыкаясь о торчащие из снега капустные кочерыжки, опять через плетень — и дальше, по белому полю.

— Обожди, обожди, не надо!.. — Шубин отталкивал немецкого солдата, подбежавшего к плетню и поднявшего автомат.

— Дай-ка я, я по-простому, зачем шум... — бормотал он, укладывая карабин на плетень и вжимая приклад в плечо.

Черная фигура бежала через белое поле по прямой, не виляя. «Э, дурак...» — подумал Шубин, накрывая фигурку кольцом намушника.

Лешка проснулся от выстрела. За окном белело. Он вскочил, еще ничего не соображая, но уже чувствуя, что совершил ошибку. Проспал!

Он спрыгнул с сеновала, и документы тяжело трянулись у него под рубахой. Тогда он вспомнил все.

Он выскочил из сарая.

Мир был белым! Это было пугающе неожиданно, словно он проснулся в другой жизни. Снег как бы отделил его от всего вчерашнего...

— Леха! — позвали за спиной. Лешка обернулся и увидел Женьку, стоящего у поленницы с пистолетом в руке.

Когда Лешка рассказал про то, что Сергей ждет на кордоне, Женька в ярости ударил себя кулаком по колену:

— Предатель — Самохин! Понял?! У-у, гады... И ты спал?

Оба понимали, что дороги минуты, и заговорили о главном. Лешка сказал, что Сергей велел Женьке нести документы прямо к партизанам. Это сейчас самое важное.

Женька считал, судя по разговору Краузе с лесником, что, пока немцы не хватились Сергея, ему на кордоне ничего не угрожает, но, конечно, его надо срочно предупредить и, главное, принести ему оружие.

Лешку беспокоил выстрел, но Женька сказал, что это, наверное, полицай спьяну бахнул.

Женька завернул документы в обрывок клеенки и положил под рубаху, на грудь. Лешке протянул ТТ.

— Для Сергуни.

— А мне?!

Женьке не хотелось расставаться с «вальтером».

— Да у Самохина отберете, у него, наверно, есть.

— А если нет?! — возмутился Лешка. — Куда мы с одним пистолетом?

— Да на, бери! — Женька отдал «вальтер». — Я и с «лимонкой» не пропаду.

Пистолеты Лешка засунул за пояс, под пиджаком их не было видно.

Из деревни выбрались благополучно, хотя пришлось сделать большой крюк, чтобы обойти посты. В лесу остановились.

Женька подробно рассказал, как им надо будет идти с кордона: по просеке, потом через ручей, где начинается большая гарь, и как можно дальше идти по воде вверх — чтобы не было следов. За гарью — болото. Женька рассчитывал, что, пока они туда доберутся, он успеет привести к болоту партизан.

— Ну топай! — Женька повернулся и быстро пошел в лес. Обернувшись на ходу, он увидел, как Лешка лезет через валежину. Вот перелез, скрылся.

Сейчас Женька был уже далеко от деревни, и поэтому шел не таясь. Надо было перейти просеку, а потом глухую дорогу, пересекавшую ее. Вон уже виден просвет... Впереди качнулись ветви, и вышел немец с автоматом у живота.

— Хальт!

И сразу из кустов поднялись еще трое. Женька прыгнул в сторону, автомат выплюнул долгий огонь. Женька бросил гранату и упал. Взрыв наполнил лес долгим гулом. Женька возился со второй гранатой, выдернул чеку, зажал гранату в руке, прислушиваясь. «Не торопиться, только когда подойдут и захотят схватить...» Он встал на колени, поглядел. Черное пятно на снегу, один лежит, других не видно. Тут сзади затрещали ветки, Женька вскочил и бросился в сторону. Очередь, другая! Пули со свистом секут ветви. Он стремительно бежал по кустам, прыгал через валежины, падал и снова бежал, неуклюже размахивая рукой, в которой была граната. Больше у него не было ничего, кроме этой гранаты, и скобу нельзя отпустить.

Женька все бежал, стрелять перестали, но он понимал, что по следу на снегу его прекрасно найдут и без собак. А след его вел к партизанам. Поэтому, добежав до ручья, он долго шел вверх по воде. Потом он снова бежал, хотя сил уже не было. Он вышел к реке, сбросил ватник и поплыл, держа руку с гранатой над водой. Он не чувствовал холода. Наконец он переплыл реку и пошел через болото, держа направление на приметную гриву. Он не чувствовал пальцев и не чувствовал ими гранату, поэтому старался чаще смотреть на руку, не разжимается ли.

Когда его остановил дозорный, Женька не мог говорить. Так и пришел он в партизанский лагерь, закопавший, мокрый, онемев, с гранатой в руке. Его обступили. Женька вытянул руку, все отшатнулись.

— Отпускай пальцы, — сказал Никитич.

А он не мог.

Он увидел тлеющее кострище, Пашку и ветеринара и показал рукой себе на грудь. Никитич расстегнул ему рубашку и достал пакет. Тогда Женька прижал руку с гранатой к животу и лег на угли. Если рванет, других не заденет... Он лежал, скрипя зубами, пока не почувствовал свои пальцы. Тогда он встал. Кто-то вставил в гранату чеку, наспех сделанную из проволоки, и тогда он наконец разжал пальцы.

28

Майор Краузе сидел в доме лесника и играл зажигалкой: то ставил ее на попа, то клал набок. В комнате было тихо, только зажигалка постукивала о стол. Русский разведчик сидел в углу на хозяйском сундуке, прислонясь затылком к стене и охватив сцепленными руками колено. На табурете в углу сидел обер-лейтенант, четверо автоматчиков были снаружи — в доме, сарае...

Майор не мог себе простить, что, вернувшись вечером со скотного двора, он не зашел к себе в кабинет, а сразу лег спать. Вскрытые коробки он увидел только рано утром, когда пришел староста и обер-лейтенант поднял тревогу. История с этим партизаном-полицейским настолько путала все карты, что майор пришел в бешенство. Кому нужны эти разоблачения! То Курт портит игру, то эти... Но когда, одевшись, майор вошел в кабинет, он увидел развороченные коробки. Конечно, юродивого уже не было в деревне, и ветеринара, и этого... Майор не мог без ярости вспомнить Пашку. Так обмануться!

Но дальше все было сделано очень четко. Из леса хорошо была видна красная тряпка на заборе кордона. Русского взяли неожиданно легко, он был без оружия. Но при нем не было и картотеки! Оставалась надежда, что документы принесет сюда ветеринар. Или кто-то из этих мальчишек.

Сергей сидел, прикрыв глаза и расслабившись. Спастись его могла счастливая случайность или чудо, что практически одно и то же. А принимать в расчет чудеса не имело смысла. У Сергея было время обдумать ва-

рианты спасения и прийти к выводу, что надеяться не на что.

Он пришел на кордон ночью. Дом был тих и темен. Удивило его отсутствие собак: он прошел от ворот до дома в полной тишине. Постучал — ответа не было, он потянул дверь — она открылась... Шаркая, расставив руки, прошел он сени, вошел, видимо, в горницу — темнота была почти полная, еле заметно серело окно.

— Это кто? — очень спокойно спросил мужской голос. Потом раздался сухой, какой-то металлический кашель.

— У вас нет козьего молока? — сказал Сергей в темноту и невольно усмехнулся нелепости вопроса.

Хозяин легко, почти бесшумно встал, зажег и поднял в руке лампу.

— Зарезал козу, — медленно сказал он, вглядываясь в Сергея. — На той неделе.

Сергей ничего не стал рассказывать Самохину, сказал только, что ему надо переночевать. А Самохин ни о чем не спрашивал. Он понравился Сергею — спокойствием, какой-то основательностью точных, неторопливых движений и тем выражением, с которым смотрел на Сергея, когда тот сидел за столом и пил молоко. В его взгляде было доброе, почти отеческое участие к трудной Сергеевой жизни.

И хозяйка у Самохина была такая же спокойно-обстоятельная. Неторопливо и молча принесла молоко и хлеб, постелила Сергею у печки. Спать в избе Сергей отказался, расположился в сарае на сене. Самохин дал ему тулуп, и Сергей устроился неплохо. Остаток ночи он бодрствовал, прислушиваясь и вглядываясь через щель двери в темноту двора. Мальчишек не было, это тревожило Сергея.

Падал снег, все падал и падал, становилось светлей, будто светало, это был долгий и томительный рассвет, а когда рассвело по-настоящему и стало видно, что тряпка на заборе красного цвета, Сергей услышал, как рядом, за стеной сарая, поскрипывает снег. Он приблизил лицо к щели и вплотную увидел тусклые пуговицы солдатской шинели и мясистую руку с рыжими волосиками, обхватившую рукоятку автомата. Ноготь поскребывал по черному металлу, словно почесывал его.

Немцев было много, они наглухо оцепили кордон, и, убедившись в этом, Сергей снова стал юродивым.

Но ненадолго. Солдаты вытащили его из сарая, он повизгивал и пускал слюну, оглядывая двор как бы бессмысленным взором. Невдалеке стояли майор Краузе и Самохин. Майор не смотрел на Сергея, разговаривал с Самохиным, и, услышав слова лесника, Сергей понял, что дальше играть бессмысленно.

Сергей сидел на сундуке. Надежды не оставалось. Отсюда не уйти. До картотеки он так и не добрался. И что сейчас карточка — выцвела или нет? Какое это имеет значение! Узнав о провале, Житухин может прекратить метить карточки. Операция сорвалась, задание не выполнено. По обстановке судя, надо подводить итоги, но подводить нечего...

Была, правда, маленькая надежда. Немцы устроили ловушку. Значит, Гаврина и Пашку они не схватили и ждут их сюда. Лешки и Женьки тоже до сих пор нет, что-то помешало им прийти ночью. А! Как же он сразу не сообразил? Женька на скотном узнал Самохина, они поняли, что на кордон нельзя. И ушли к партизанам. Нет, не так уж все плохо, майор Краузе.

Жаль, не удастся самому рассчитаться с этой сволочью — Самохиным. Вот, значит, кто предал Потапа. Но если бы не Матвей, не пришел бы Сергей на эту запасную явку, и все бы пошло иначе.

Сергей встал, потянулся, прошел к окну, где стоял ковшик с водой. Обер сделал к нему движение, но майор покачал головой, и тот сел на место.

Снег лег под утро. К партизанам все ушли вечером, до снега. Следов нет. Чисто, тихо. Какой прекрасный снег подарила ему жизнь на прощание! За окном был виден плетень, белая дорога, уходящая в лес...

Сергей похолодел: по краю дороги к дому шел Лешка! Сейчас его увидят! Но еще можно сделать одну вещь...

Сергей отвернулся от окна и шагнул к столу.

— Ну что ж, — громко сказал он и улыбнулся, — мне ничего не остается, как открыть все.

Майор посмотрел на него с интересом.

— Вот здесь... — Сергей показал на сундук, майор и обер разом повернулись, и тогда Сергей с места прыгнул в окно, головой вперед.

Рама вылетела, Сергей упал на руки, перевернулся,

вскочил и, плохо видя от боли в голове, побежал, забирая вправо, дальше от дороги. Пока будут с ним возиться, Лешка скроется. Ага, не стреляют!

— Лешка, беги! Беги! — закричал Сергей, счастливый от того, что он может еще сделать самую важную вещь — спасти мальчика, этого дорогого ему человека. И тут он подумал, что надо бежать быстрее, и тогда, может быть, какой-нибудь немец не выдержит — нажмет курок и избавит его от всего того тяжелого и безнадежного, что ждало его впереди.

...Лешка был метрах в пятидесяти от забора, когда со звоном вылетела оконная рама и Сергей упал на снег, вскочил и побежал в сторону от него, через огород. Сергей что-то кричал, Лешка не разобрал что, он и так все понял: из сарая выскочили два немца, еще один, обер-лейтенант, выпрыгнул из окна вслед за Сергеем.

Лешка дернулся назад — бежать! Он прыгнул с дороги в канаву, упал и пополз в снегу к лесу. «И Сергей убежит!» — быстро успокоил он себя. Но тут ясная и беспощадная мысль остановила его. «Не ври! Сергею не убежать, если ты не поможешь».

И тогда, сразу избавившись от страха и зная только, что ничего другого ему нельзя делать, он встал и побежал назад к забору. Да! Если он их задержит, Сергей убежит.

На заборе висела красная тряпка, Лешка вытащил «вальтер» и положил его на тряпку, как на упор. На него никто не обращал внимания, и в запасе было несколько секунд, чтобы выбрать цель. Первого — того, лезущего через забор: это он убивал партизан городошными палками! Лешка спокойно прицелился и плавно нажал спуск. Грохнул выстрел. И сразу, зная, что попал хорошо, он прицелился в ближнего немца, уже направлявшего на него автомат. После выстрела немец выронил автомат, схватился за руку и упал с крыльца. Лешка снова прицелился и выстрелил в дальнего. Но он поторопился нажать и не попал.. И тут он стал стрелять торопливо, почти не целясь.

Немцы во дворе растерялись. Лешка уже не видел Сергея, он следил только за двумя немцами, бегущими к нему по двору, и стрелял по ним, думая, что Сергей уже у леса.

Услышав выстрелы, Сергей обернулся. Он видел, как

упал с забора обер-лейтенант, как началась во дворе суетня, которой он не понимал, пока не различил над забором, над красной тряпкой, белое Лешкино лицо. Сергей в два прыжка был у тела обер-лейтенанта, выдернул из его скрюченной руки парабеллум — быстрее оттянуть их на себя, пока они не убили мальчика! Он сделал наспех два выстрела, один в окно, в Краузе, другой по бегущему автоматчику, но тут вступил в бой автоматчик, сидевший на чердаке и не замеченный ни Лешкой, ни Сергеем.

Лешка не видел, как после очереди с чердака Сергей упал. Патроны в «вальтере» кончились, он бросил его, выдернул из-за пояса ТТ, но тут забор вдруг сильно ударил его в грудь, и Лешка увидел, что дом проваливается вниз, а сверху падает на него белое небо. И ему стало легко оттого, что он все сделал, как нужно. Больше он ничего не должен...

Ему становилось все легче и легче, и он перестал чувствовать и свое тело, и землю, на которой оно лежало...

29

Зашторенную комнату освещала только зеленая настольная лампа. В круге света лежали стопки бумаг, некоторые из них с фотографиями.

— Это вот часть картотеки, — говорил майор Хазин сидевшему в кресле пожилому человеку с мясистым носом и черными быстрыми глазами, — действующая агентура. Двоих отсюда мы уже взяли. А вот это, Вазген Николаевич, совсем интересные документы — видимо, из личного архива Краузе. Много полезного. К сожалению, только часть архива, по-видимому, его брали поспешно.

— А вы думали, что у Игнатия будет на это много времени? — спросил Вазген Николаевич. — Что о нем слышно? Как вы будете его возвращать?

— Этот пакет передал раненый комиссар партизанского отряда, вывезенный к нам на самолете. А ему принес какой-то партизанский связной. Откуда эти документы, связной объяснить не смог, сам получил их от другого связного. Но устное сообщение кое-что объясняет. «Карточки агентов осветлены. Игнатий». Поначалу непонятно было, какие карточки. Фото? Но вчера

задержан человек с явно фальшивыми продовольственными карточками — с блеклой печатью. И его фотография оказалась в картотеке. Вот он. Это агент Краузе. Каким образом Игнатию удалось это сделать, можно только гадать.

— Так вы думаете, что их нет и у партизан?

— Будем надеяться, что они у партизан, — сказал майор, складывая документы в портфель, — но пока и мальчика и Игнатия мы вынуждены считать пропавшими без вести.

Замки портфеля громко щелкнули в тишине комнаты...

За стенами здания лежал Ленинград, и впереди у него были еще 15 месяцев блокады, вторая голодная зима, натиск фашистских войск, бомбежки и обстрелы. Но самое страшное было позади, и ленинградцы знали, что их город выстоял.

Дубровский Э.

Д79 Задание. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1973.

120 с., с илл. (Юные герои.) 100 000 экз.

Это история о том, как ребята помогли нашему разведчику сорвать деятельность одной из разведшкол абвера, находящейся в окрестностях Ленинграда. Школа готовила диверсантов, которые не только проникали в Ленинград с диверсионными заданиями, но и наводняли город в тяжелый блокадный период фальшивыми карточками. Эта операция была сорвана благодаря помощи нескольких находчивых и отважных мальчишек.

P2

7—6—3

89—73

Редактор **Л. Лузянина**
Художник **Ю. Ребров**
Художественный редактор **В. Плешко**
Технический редактор **Г. Каплан**
Корректоры: **З. Федорова, З. Харитонов**

Сдано в набор 27/X 1972 г. Подп. к печати 16/VII 1973 г.
А00459. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 3,75
(усл. 6,3). Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 100 000 экз. Цена 21 коп.,
Т. П. 1973 г., № 89. Заказ 1735.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Суще-
ская, 21.

21 коп.

**ДЛЯ ВАС, РЕБЯТА,
В ЭТОМ ГОДУ ВЫЙДУТ
В СЕРИИ «ЮНЫЕ ГЕРОИ»
КНИГИ:**

Ф. Вигдорова, Т. Печерикова,
Двенадцать отважных;

И. Валько, Куда летишь, жу-
равлик?

Ю. Шевченко, Дорога, ко-
торую выбрал Чунг.

